

A close-up, high-contrast portrait of a man's face, looking slightly down and to the left. His skin is dark and textured, with a fine spiderweb pattern visible across his cheek and forehead. The lighting is dramatic, highlighting the contours of his face and the texture of his skin.

На тончайшей
паутине

МАРДАРОВСКИЙ Д.

Дмитрий Мардаровский

На тончайшей паутине

<https://litres.ru/74166443>

SelfPub; 2026

Аннотация

На далёкой планете есть бог по имени Ткач. Он слышит каждую мысль каждого человека — потому что всем при рождении вживляют Печать Завета. Люди зовут это благодатью. Немногие знают, что это паутина.

Тихий подмастерье Стриж не собирался ничего знать. Но у него неправильная Печать — та, что позволяет видеть нити, которыми оплётён мир. И теперь за ним идут все: и те, кто мечтает порвать сеть, и те, кто убьёт, лишь бы этого не случилось.

Целая страна повисает на тончайшей паутине. Которая вот-вот порвётся.

Содержание

Пролог	4
Эпиграф	25
Глава 1	26
Глава 2	39
Глава 3	48
Глава 4	64
Глава 5	70
Глава 6	78
Глава 7	85
Глава 8	95
Глава 9	103
Глава 10	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Дмитрий Мардаровский

На тончайшей паутине

Пролог

До цели оставалось всего несколько сотен шагов. Это был он, Колодезь Богов. Солнце свидетель – их путь был очень непрост! Чтобы добраться до входа в Колодезь, они взбирались по крутым склонам, пробирались узкими козьими тропами. За те месяцы, которые ушли на то, чтобы увидеть наконец Колодезь, они потеряли бóльшую часть отряда. Из двенадцати человек, отправившихся в путь, до Колодезя добрались только четверо. Двое сорвались в пропасть, трое погибли под завалом, двоих растерзали дикие звери, в изобилии водившиеся в лесу у подножия гор, еще одного их спутника укусила ядовитая змея, и он умер в страшных судорогах.

Путники устроились за большим валуном, скрывающим их от входа в пещеру, кутаясь и дрожа от холодного пронизывающего ветра.

– Клест, это и есть Колодезь? – спросил Вереск, – С виду обычная пещера...

– А ты что хотел увидеть? – проворчал Клест, – Сияющие врата и Вестника с огненным мечом в руках? Или табличку с надписью?

– Ну, как-то уж слишком прозаично, – неуверенно пробормотал Вереск. – Ты уверен, что это то самое место?

– Уверен, – буркнул Клест.

Вереск замолчал.

Действительно, пункт назначения выглядел слишком уж невзрачно и на первый взгляд не оправдывал столь высоко-

парного названия: взору их предстал обычного вида вход в пещеру на большой ровной террасе, парой сотен шагов в поперечнике, частично заросшей чахлыми кустарниками и заваленной обломками скал. Вокруг высились горные пики, вдалеке внизу темным полотном расстился кедровый лес. Еще дальше за дымкой тумана виднелась зеленовато-рыжая степь.

Вереск на мгновение выглянул из-за камня, кинул короткий взгляд на вход, а затем вновь присел на корточки.

– Вроде чисто, никого не видно. – беспечно заявил он. – Если это и есть *то самое место*, может уже пойдем? Мне не терпится покончить с паучьими отродьями. Как же я их ненавижу!

Вереск воинственно сжал кулаки.

Ворон скорчил хмурую гримасу:

– Если ты никого не видишь, это еще не означает, что не видят нас. Видит Солнце, это ловушка. И нас заманивают туда как глупых мышат

– Не каркай, Ворон, – проворчала Весна. Единственная уцелевшая женщина в походе. – Вечно ты поднимаешь шум на пустом месте. Клест же сказал нам, что вход в Колодезь не охраняется. Тенетники думают, что добраться сюда невозможно. Защита рассчитана только на диких зверей, а мы уж точно умнее животных!

– Да откуда нам вообще знать, что это именно Колодезь? – упрямо спросил Вереск, вставая на защиту Ворона, своего

старшего брата. Вереск был самым молодым из группы. Он был неопытен, зато отличался острым зрением, слухом, был быстрым и бесстрашным.

– Я точно знаю, – коротко ответил Клест, – я только что тебе говорил об этом.

– Но откуда? Ты что, здесь бывал раньше?

– А как, по-твоему, я привел вас сюда, дурень?

Вереск сдался и беспомощно развел руками. Возразить было нечего, ведь Клест и вправду безошибочно разыскивал нужный путь, будто следовал знакомому маршруту, которым ходил уже не раз. Без карт и проводников он провел их сюда, к Колодезю Богов, как его называли жители предгорий. Сам же Клест как-то пару раз назвал Колодезь северной базой, однако наотрез отказывался объяснить, что это за северная база такая. И вообще все они привыкли к тому, что Клесту были известны многие вещи, недоступные обычному человеку, но источник этих знаний он держал в секрете.

Еще несколько мгновений они сидели молча, затем Клест осторожно выглянул из-за валуна, осмотрелся и хрипло приказал: «Действуем по плану».

Они разделились. Первым пошел Ворон, двигаясь мелкими перебежками, прячась за редкими кустами и рыжими обломками скал. Он приблизился ко входу в Колодезь на несколько десятков шагов, укрылся за зарослями карликовой горной ольхи, притаился там, прислушиваясь. Затем подал условный сигнал, и Вереск с Весной вдвоем двинулись

по его следу. Когда они добрались до тех же зарослей, Ворон вновь перебежками двинулся в сторону пещеры. Через три сотни ударов сердца он снова подал сигнал и тогда уже Клест покинул укрытие и перебрался в заросли ольхи, где его ждали Вереск и Весна. После очередного условного сигнала Вереск с Весной метнулись к валуну, возле которого их поджидал Ворон. Спустя короткий промежуток времени к ним присоединился и Клест. Теперь уже все четверо пристально наблюдали за входом в Колодезь, но там по-прежнему не было на души.

Солнце уже спустилось к горизонту, но не торопилось садиться. Летом на севере оно вело себя странно для путешественников, привыкших к темным ночам. Это несколько сбивало их планы – пробраться в пещеру под покровом ночи. Но делать было нечего – дожидаться осени они не могли.

Ворон бросил вопросительный взгляд на Клеста, тот кивнул в ответ, и Ворон быстро пополз в сторону пещеры. Он двигался очень осторожно, не поднимая пыли. Через сотню ударов сердца он уже был у входа в пещеру. Быстро поднявшись, Ворон припал к скале у входа и подал вопросительный сигнал. Клест сигнализировал, что все чисто. Ворон пригнулся и осторожно заглянул вглубь прохода, затем подал сигнал подходить. Вереск пополз в сторону входа в пещеру, а когда добрался, за ним отправилась Весна, а затем и Клест. Не смея даже дышать, они распластались по скале у входа. Ворон снова вопросительно посмотрел на Клеста, тот

утвердительно кивнул и Ворон медленно завернул за угол и вошел внутрь. Вскоре оттуда послышался тихий свист, Вереск двинулся вслед за Вороном, после второго сигнала за ними отправились Весна и Клест.

Пещера была странной, неестественной. Скала изнутри была словно срезана ножом: ровные стены, потолок, под ногами не было даже мелких камешков. Пол был идеально ровным и чистым. Через несколько десятков шагов на стенах стали появляться испускающие тусклый зеленоватый свет ровные линии, стрелки и непонятные глифы прямоугольных форм. По мере продвижения вглубь становилось все темнее и прохладнее.

Знаками и едва различимым шепотом Клест приказал группе остановиться и прижаться к стене. Он указал на поворот в нескольких шагах.

– За этим поворот есть окосфера, – чуть слышно прошептал он Весне. – Нужно ее ослепить. Но осторожно, не высовывайся – сферы снаружи защищают от животных. Они очень опасны. Просто выставь руку и нажми на кнопку. Услышишь тихий писк и жужжащий звук, значит окосфера больше не видит.

Весна кивнула, залезла в заплечный мешок и извлекла оттуда небольшую, помещавшуюся в ладонь, черную прямоугольную коробочку со скошенными краями. Она была абсолютно гладкой, лишь на одной из сторон имелся еле заметный выступ. За этой коробкой они охотились больше двух

лет. Клест утверждал, что она может ослепить окосферу. Так ли это на самом деле, путники проверить не могли – действующие окосферы можно было найти только во дворце в Асагене, а пробраться туда и опробовать слепящую шкатулку было нереально.

Но делать было нечего, приходилось полагаться на слова того, кто передал им эту ценность. Из всей компании почему-то только Клест, обычно никому и ничему не доверявший, тут же подтвердил, что шкатулка работает.

Весна, прижавшись к стене, стала двигаться в сторону поворота, за которым должна была находиться окосфера. Приблизившись к повороту, женщина нажала на выпуклую сторону шкатулки. Ничего не произошло. Она нажала еще раз. Либо слепящая шкатулка не работала, либо Клест ошибался и никакой окосферы за поворотом нет. Она выглянула из-за угла и тут же увидела темный глянцевый шар с поблескивающей красной точкой. В это же мгновение засияла вспышка и яркий луч ударил Весне в живот. Она вскрикнула и рухнула на пол, судорожно давя на выпуклую часть слепящей шкатулки. Коробочка издала тихий писк, а со стороны окосферы раздалось легкое жужжание, красная точка погасла.

Увидев вспышку Ворон и Вереск, не обращая внимания на предостерегающие шиканья Клеста, рванулись к ней на помощь. Несмотря на опасность попасть под смертельные лучи, они подбежали к женщине. Несколько мгновений спустя к ним присоединился и Клест. Ворон приподнял Весну,

прислонил спиной к стене и озабоченно осматривал рану.

– Весна ранена, мы не можем оставить ее тут одну. – наконец проговорил он.

Весна слабо застонала, лицо бледное, глаза запали, на боку темнело влажное пятно.

– Идите, олухи. За меня не беспокойтесь. Ворон, тупой ты ублюдок, где твоя хваленая мудрость? Я оказалась не умнее дикого зверя. Хвасталась, вот и заплатила за свою глупость. Но вы-то не будьте тупыми. Вы уже так близко и решили все бросить из-за меня? Ну уж нет. Если вы не пойдете, я сама пойду. Развели тут сопли, вояки недоделанные

Весна попыталась встать, но тут же застонала и повалилась на пол, из-под одежды на боку заструилась кровь. Она потеряла сознание. Ворон и Вереск бережно усадили ее. Голова женщины свесилась набок.

– Она права, – резко сказал Клест, – мы не можем бросить все. Мы уже так близко, столько поставлено на кон. И столько мы уже потеряли! Даже ради них нам нужно двигаться дальше.

– Мы не можем бросить все, – запротестовал Вереск, – но и Весну мы бросить тоже не можем!

– Да, *просто так* бросить ее мы тоже не можем, – сухо подтвердил Клест.

– Так что нам тогда делать? Она не может пойти с нами. Может попробуем перевязать рану? Клест, у тебя же есть какие-то снадобья.

Клест ничего не ответил. Лицо его стало отрешенным. Он присел к тихо стонущей в беспамятстве Весне, погладил по голове, тихо прошептал: «Прости сестра...», – и одним резким движением перерезал ей горло. Хлынула кровь, тело женщины обмякло. Клест нежно уложил мертвую Весну на пол, вытер лезвие о полу куртки и спрятал нож.

Ворон и Вереск застыли.

– Ты... Ты – у Вереска перехватило дыхание.

– Я сделал лучшее, что мог в этой ситуации, – сквозь силу проговорил Клест. – Мы не могли бросить ее здесь *просто так!*

И он был прав. Ворон и Вереск это понимали, хоть и не могли себе в этом сознаться. Лицо Вереска скривилось, он сдерживался, не понимая, чего желает больше: убить этого бездушного уроды или разрыдаться от собственного бессилия. Но Клест был прав. Этот прагматичный бесчувственный монстр всегда был прав, Тьма его забери. Их долг был превыше всего, выше эмоций, выше жизни одного человека. Даже если для тебя этот человек важнее всех на свете.

Они довольно долго молча сидели возле тела Весны, затем Клест поднялся и колючим взглядом окинул Ворона и Вереска, затем подал им поочередно руку и помог встать. Вереск откинул его руку и поднялся сам. Челюсти сжаты, на кулаках побелели костяшки.

Паучьи отродья заплатят за это!

Ворон указал на окосферу на потолке пещеры в несколь-

ких десятках шагов впереди.

– Как думаешь, теперь отродья нас не увидят? – чуть слышно прошептал он. Вереск пожал плечами, хотя Ворон спрашивал у Клеста.

– Других камер... окосфер, я хотел сказать, на этой стороне не будет, – уверенно проговорил Клест. – Можно идти.

Спустя пару сотен ударов сердца они уткнулись в гладкую стену. Ворон ощупал стену – она была холодная, металлическая.

– Это Врата, – чуть слышно прошептал он.

На этот раз вперед выдвинулся Клест. Он старательно ощупал каждую пядь Врат, задумчиво потер переносицу, затем опять ощупал Врата.

– Что-то не сходится, – пробормотал он.

– Что случилось? – обеспокоено спросил Вереск.

– Здесь нет замков Они что-то поменяли в системе.

Клест снова потер переносицу.

– Может на стенах что-то есть? — прошептал Ворон. – Надо искать!

Все трое принялись рыскать в темноте, пытаясь найти хоть что-то, что помогло бы открыть врата. Ломая ногти о гладкие стены, троица отчаянно скребла твердый камень. Наконец Вереск издал приглушенный вопль. Ворон и Клест, шикая, бросились к нему. На стене справа от Врат нащупывалась небольшая металлическая дверца. Клест достал нож и попытался открыть ее. С легким звоном лезвие сломалось и

осколок отлетел прямо ему в лицо. На пол упала капля крови, Клест поморщился, но не издал ни звука. Он вставил обломок ножа в щель и осторожно повел лезвие по периметру дверцы. Раздался тихий щелчок, а затем дверца звонко упала на пол. Вся троица замерла, затаив дыхание. Прошло какое-то время, но ничего не происходило. За проемом, где была установлена дверца, находилась металлическая пластина, по центру которой располагалось небольшое, размером с ладонь, окошко из черного стекла.

Сердце Клеста бешено заколотилось. Он знал, что это такое, но спешить было нельзя. Один неверный шаг мог загубить результаты многолетних трудов. Дыхание участилось. Ладони вспотели. Несмотря на прохладу пещеры по лицу и спине потекли струйки пота. Удар сердца, два, пять Он восстановил дыхание и приложил ладонь к черному окошку. После его прикосновения за стеклом неожиданно загорелся зеленоватый свет. Клест отдернул руку. Луч света исчез.

Спокойно... Успокойся, Тьма тебя задержит!

Клест судорожно вдохнул воздух. Задержал дыхание. Выдохнул. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Затем он снова приложил руку, свет зажегся снова. Он осветил ладонь Клеста и погас. Долю секунды ничего не происходило, но затем раздался тихий мелодичный звук и Врата с шелестом открылись – их створки разъехались в стороны и скрылись в стенах.

Путешественники, застигнутые врасплох и отвыкшие от

света за время, проведенное в темноте пещеры, на мгновение замерли, а затем прижались к стенам.

За Вратами не было ничего кроме серого коридора, проход был той же ширины, но в отличие от пещеры, он был освещен. Луносферы на стенах и потолке давали ровный холодный свет.

Троица нерешительно ступила в освещенный коридор. Врата с тем же тихим шелестом сомкнулись за их спинами, отчего все вздрогнули и затравленно оглянулись.

Вдруг Ворон в ужасе вскинул руку – окосфера! Клест до крови прикусил губу – *ее там не должно было быть!* Сфера висела на потолке всего в нескольких шагах от них. Вереск среагировал мгновенно: схватил слепящую шкатулку и принялся давить на выпуклую часть. Шкатулка издала тихий писк, окосфера зажужжала, но было уже поздно. По коридору разнесся ужасающий звук, как будто разом завывала тысяча бешеных волков, громкий гулкий голос повторял одно и то же на странном языке, которого Ворон и Вереск не понимали.

– Бежим! – закричал Клест и бросился со всех ног по коридору. Вереск и Ворон кинулись за ним. Они надеялись, что Клест знает, куда он бежит.

Примерно через пять сотен шагов они услышали звуки погони. По коридору в их направлении кто-то мчался. Преследователей было не меньше десятка. Судя по лязгу, они были облачены в тяжелые металлические латы. Но как, Тьма

их задери, они могут бежать с такой скоростью в таких доспехах?

– Твою мать! – возопил Клест. – Это Стража!

Троица свернула влево. Это был зал Малых Врат. Малые Врата располагались на противоположных стенах справа и слева от них. Грохот погони приближался.

– Ты знаешь, какие Малые Врата нам нужны? – задыхаясь от быстрого бега, спросил Вереск.

Клест бегло осмотрел глифы над каждой дверью.

– Сюда!

– Тогда пробуйте открыть. Я их отвлеку! Хоть одну тварь, но утащу с собой в преисподнюю.

Вереск, не дождавшись ответа, нырнул в коридор и бросился навстречу звуку погони. Ворон и Клест бросились к Вратам. Ворон молотил по ним кулаками, скреб ногтями. Клест пытался зацепить край обломанным лезвием ножа, но все без толку.

Их остановил крик Вереска, переходящий в захлебывающийся стон.

– Твою мать, твою мать, твою мать! – все громче без умолку твердил Клест, царапая Врата ножом.

Лязг шагов преследователей становились все громче. Вдруг Клест заметил рядом с Вратами небольшую щель с крошечным мигающим красным огоньком над ней. В этот момент в зал ворвались преследователи. Их вид был воплощением ночных кошмаров: демонические твари, похожие

на громадных псов четырех локтей в холке, в невероятных черных блистающих латах, с горящими красными глазами. Один из демонов мимолетным движением чудовищной лапы сломал Ворону позвоночник. Раздался отвратительный хруст, и Ворон беззвучно повалился на пол. Клест в отчаянии вонзил нож в щель рядом с Вратами.

Да какие это к черту Врата? Просто автоматические металлические двери из одного отсека в другой!

Руку пронзила боль, словно по венам вместо крови тек расплавленный металл. Его ударило током.

Клест закричал, и тут цвет огонька над щелью сменился на зеленый и двери распахнулись. Он влетел в громадное полутемное помещение, распластался на скользком полу, перекатился, уворачиваясь от удара роботизированного стража, попытавшей его растоптать. Вскочил на ноги и побежал вглубь помещения, петляя как заяц. Твари кинулись за ним с нечеловеческой скоростью. Клест почувствовал настигающий его удар и сместился вправо, затем отпрянул влево, затем резко затормозил, присел и перекатился снова вправо. Один из стражей пролетел мимо него и с громким лязгом приземлился на пол. Теперь бы только добежать до того, ради чего была организована вся экспедиция. Внезапно что-то схватило его за ногу. Клест растянулся на полу, огромная лапа прижала его к полу. В голову ему полетел металлический кулак. Клест метнулся навстречу кулаку, поднырнул под удар, вонзил нож в щель между металлическими пласти-

нами на морде твари, вновь почувствовал боль от электрического разряда в руке, однако лапа отпустила его, а робостраж безвольно грохнулся на пол. Он вновь вскочил на ноги, перекатился, пропуская над собой еще одну тварь. Все верно, он все же оказался в нужном зале!

В центре он увидел Сердце Паука, как его между собой называли его друзья. Они все мертвы... Да, они мертвы, но он еще жив! По виду Сердце напоминало черную сферу диаметром чуть меньше предплечья, расположенную на громадном постаменте и окруженную сияющими глифами. Клест бросился к Сердцу, на ходу вынимая из сумки Солнечный Кинжал. Он знал, что предмет называется по-другому, но уже давно привык к пафосу аборигенов. Кинжал не был похож на нож, по форме он скорее напоминал небольшую продолговатую золотистую коробочку со скругленными углами, которую надлежало поместить в специальный разъем в Сердце.

Оставалось всего двадцать шагов, перекатиться, увернуться, десять шагов, пять Металлическая клешня с хрустом врезалась в спину Клеста, ломая ему ребра. Падая, Клест попытался хотя бы добросить Кинжал, но тот упал на пол и укатился под громадную панель, хранящую на себе Сердце.

– Прости, Весна, простите все, благослови вас Солнце – прошептал Клест, – Я не справился.

Он ожидал, что металлическая лапа разmozжит ему череп, но та резко остановилась на расстоянии нескольких пальцев от его головы. Дьявольский вой сигнализации стих, робост-

ражи застыли на месте. К Клесту, распростертому на полу, подбежали две фигуры в черных одеяниях.

– Что произошло? – спросила одна из фигур.

– Сработала наружная сигнализация, но потом было тихо. – отдуваясь после быстрого бега, ответил второй человек. – Мы подумали, что это какое-то животное забежало. Так бывает время от времени. Но потом сработала внутренняя, и мы поняли, что кто-то вторгся на территорию станции. Я тут же активировал стражу.

– А этот? – спросила первая фигура. – Почему страж не добил этого?

Рука говорящего указала на тихо стонущего от боли Клеста.

– Я не знаю, сейчас проверим, – пробормотал второй человек.

Он вытащил из поясного чехла черный жезл длиной в локоть и толщиной в палец. Человек направил предмет на Клеста и удивленно вскрикнул:

– Это же Наатло!

– Наатло? – пораженно воскликнул первый человек. – Как такое может быть? Он же погиб лет двадцать назад!

Клест-Наатло тяжело застонал и попытался перевернуться на спину.

– Господи! Это точно он! Скорее, вызывай врача!

Клест-Наатло попытался ползти в сторону Сердца, но его тело было переломано и любое движение вызывало адскую

боль. Он предпринял еще одну попытку двинуться в сторону Сердца Паука, но потерял сознание.

Вереск слабо застонал и открыл глаза. Он все еще находился там, где его на полном ходу сбил чудовищный металлический пес. Вереск попытался подняться, но тут же снова застонал от невыносимой боли. Он отполз в нишу между стеной и каким-то металлическим шкафом и затаился в тени. Неловко поднимая руку, он начал ощупывать себя, охая и негромко постанывая – по внутренним ощущениям у него не оставалось ни одной целой кости. Ребра с левой стороны и вправду были сломаны, левая рука висела как плеть, в глаза текла кровь и застилала взор. Кое-как он вытер лицо рукавом и задумался, пытаясь отвлечься от боли.

Надо что-то делать. Но что? Было件нятно, что их миссия провалилась. Возможно, он мог попытаться найти кого-то из спутников. Может быть, кто-то остался в живых. Но куда там. Ему и самому была нужна помощь.

Неожиданно в его голове прозвучало:

– Дитя, что ты здесь делаешь?

Вереск отчаянно замотал головой из стороны в сторону, однако никого вокруг не было. Может он сходит с ума? Или от боли у него начались галлюцинации?

– Кто это говорит? – отчаянно зашептал он, боясь, что его услышат.

– Ты отвечаешь вопросом на вопрос, дитя. Но я отвечаю

тебе: Я есмь Тот, кого вы зовете Всеотцом. Вижу, дитя, ты заблудился.

Вереск заскрежетал зубами:

– Отец Лжи, а не Всеотец – вот ты кто!

– Ты ошибаешься, дитя. Я никогда не лгу. Я есть Истина.

Вижу, тебя ввели в заблуждение, но Я не держу на тебя зла, ибо Я есть Любовь. В подтверждение Моих слов Я помогу тебе остаться в живых и, если ты захочешь, покинуть это место. Ведь Я вижу твое великое будущее.

– Нет! Ты лжешь! Мы убьем тебя, демон. Клест рассказал нам, объяснил все. А он узнал это от пророка Наатло.

Голос в голове Вереска мягко рассмеялся:

– Меня невозможно убить. Наатло лишь заблудился в чащобах собственной глупости. А чтобы ты прозрел, узнай же, что тот, кого вы звали Клестом, и Наатло – один и тот же безумец и лжец. Он так много ошибался и лгал, что сам уверовал в свои ошибки и свою ложь. Безумцы часто бывают убедительны и заставляют ошибаться добрых людей, а Я вижу, что ты добрый человек, и просто одурманен. Чтобы доказать Мои добрые намерения, Я излечу твои раны и открою перед тобой все Врата. А теперь, дитя, встань и иди! Тебя никто не будет преследовать.

Вереск почувствовал, что в его теле стали происходить какие-то трансформации, кости срослись, раны затянулись, мышцы наполнились удивительной силой. Он почувствовал невероятную легкость, будто не было ни повреждений, ни

даже изнурительного путешествия, полного голода, жажды, многочасовых переходов. Вереск одним движением поднялся, потянулся и неожиданно для самого себя рассмеялся.

– Ты и вправду силен, – обратился он к Всеотцу.

– Я не силен. Я все силен.

– Ты... Ты... Ты и вправду можешь все?

– Только попроси.

– А воскресить человека?

– Ты говоришь про несчастную деву, которую убил твой спутник, которого вы звали Клестом?

– Да! – с жаром в голосе воскликнул Вереск. – И мой брат, Ворон. Он жив?

– Брат твой погиб, как и дева, но смерть для Меня – ничто. Иди за ними, они ждут тебя.

Вереск опрометью бросился вдоль коридора.

– Если это правда, – шептал он, – я буду Твоим рабом всю оставшуюся жизнь. Только бы это было правдой. Только бы Только бы правда... Пожалуйста...

Вереск сперва примчался к залу Малых Врат. На полу лежал Ворон. Вереск нагнулся над ним. Наверное, демон лишь посмеялся над ним. Однако его брат пошевелился и приподнялся. Вереск понял, что все это время задерживал дыхание.

– Брат! Ты жив! Слава Солнцу... – Вереск сбился, на мгновение задумался, а потом что-то внутренне решил и поправил сам себя. – То есть слава Всеотцу!

– Что? Как? – Ворон удивленно переводил взгляд с лужи

крови, в которой сидел, на сияющее от счастья лицо брата. – Что с тобой случилось? Что со мной случилось?

– Все это время Клест нам врал! Всеотец нам не враг! Он настоящий Бог. Он только что оживил тебя. Как же я ненавижу этого проклятого Наатло! Эти лжецы заплатят за все страдания: за твои мучения, за мучения Весны. За всех, кого этот гад подбил пойти против Всеотца.

Вереск скрежетал зубами, в уголках губ пузырилась пена.

Эти еретики ответят за все! Я сделаю все, чтобы они страдали!

– Я не понимаю, – Ворон судорожно ощупал свою голову в том месте, куда угодил удар чудовищного Стража. – Это какой-то фокус? Последнее, что я помню: Клест пытался открыть Малые Врата, а на меня напала какая-то тварь

– Некогда объяснять. Он обещал мне оживить Весну. Понимаешь, Брат? Оживить! Это настоящее чудо! Это не бредни сумасшедшего Наатло, которого и не было вовсе. Был только лживый безумец Клест.

Братья побежали к Большим Вратам, те мгновенно бесшумно распахнулись, выпуская мужчин в темный каменный коридор. За несколько ударов сердца они преодолели расстояние до того места, где они оставили тело Весны. Вереск грохнулся на колени, приподнял голову женщины.

Весна резко вдохнула и открыла глаза. Ворон издал хрип – от изумления у него перехватило дыхание. Ужасных ран на горле и боку не было, только разорванная ткань, да темные

пятна на куртке и рубашке напоминали о том, что произошло. Весна удивленно подняла брови, схватила улыбающегося Вереска за руки. Он встал, притянул ее к себе и крепко обнял. Она, все еще пораженная случившимся, молчала. Вереск приобнял за плечи Весну и брата, а затем не говоря ни слова, повел их обратно в сторону все еще распахнутых Врат.

Эти еретики ответят за все!

Эпиграф

«И каждый человек славит Его и благословляется Им. И ткнет Он Паутину жизни, и каждому есть место на той Паутине: и бедному, и богатому, и высокородному, и простому. Ибо чрез нее всякий общается с Ним, и через нее Он ведает о помыслах всякого. К каждому Он тянет свои тенета и несет свет, радость и спасение...»

[41:06]

«... Блажен праведник, ибо познает он жизнь вечную после встречи с Ним. Да убоится грешник, ибо не придет он пред педипальпы Его, но будет обречен на погибель вечную».

[45:12]

Из книги «Тенета жизни вечной».

Глава 1

Его величество Гельвидий I из династии Теридиидов, Верховный правитель Анатейской унии, Великий князь Анатеи, соправитель Улобора, Вабарры, Гикания и Изелы восседал на троне Ткача и был воплощением гнева. Красное обрюзгшее старческое лицо перекошено от злобы, глаза налились кровью. Гнев его был оправдан: как только Гельвидий отправился на охоту, где беззаботно провел две полные осьмицы, на княжество Гиканий было совершено дерзкое нападение тараруанцев. И никто не удосужился незамедлительно доложить правителю об этом, хотя из Дифии, гиканийской столицы прибыл представитель знати, который праздно проводил время в Асагене, столице Великого Анатейского княжества и всей Унии.

В зале собраний министры и их советники затаив дыхание смотрели, как монарх сверлит взглядом тощего старика в богатом одеянии, стоящего на коленях перед троном и сложившего руки в безмолвной мольбе.

— Как ты посмел утаить от меня нападение? Ты, червь! — уже в третий раз прорычал Гельвидий.

— Но Ваше величество, — в третий раз протестуя забормотал старик, закатывая глаза и обливаясь потом, — мне строго-настрого, под страхом смерти, запретили тревожить вас во время монаршей охоты.

— Кто? Кто запретил? Кто запретил, я спрашиваю?

— Ваш сын Его высочество принц Мактан...

— И ты имеешь наглость обвинять моего сына в измене?

Бунтовщик! Предатель! Ты ответишь мне за это! — заорал Гельвидий.

— Клянусь Создателем и священными Тенетами... Мне поступила записка с подписью и печатью Его Высочества...

— Клятвопреступник, предатель, бунтовщик!

Побелевшими от напряжения пальцами монарх сжал блестящий металлический кубок, внезапно размахнулся и изо всех сил швырнул кубок прямо в голову тощего старика. В тишине зала собраний послышался тошнотворный хруст и металлический звон — это кубок попал прямо в висок старика, который попытался увернуться, но наоборот, случайно подставился под удар. Старик мгновенно обмяк и рухнул на пол. Помятый кубок с лязгом покатился по мозаичному паркету. Остатки вина, чудом не вылившиеся во время броска, текли по полу, смешиваясь с лужей крови, струящейся из проломленного виска несчастного.

В отдаленном углу зала собраний раздался сдавленный женский вскрик. Гельвидий резко повернулся и увидел стоящую в углу зала кормилицу с ребенком на руках. Младенец уже скривил свое маленькое красное морщинистое личико, удивительно напоминающее лицо монарха, и начал издавать квакающие звуки, предвещающие плач. Лицо правителя исказилось гримасой страдания и гнева.

— А ты что здесь делаешь, безумная женщина? — кормилица опрометью бросилась к выходу из зала.

Испуганный ребенок громко завопил, дергаясь всем телом. Его крик постепенно утихал по мере того, как кормилица быстро удалялась по коридору прочь от зала собраний.

— Так будет со всеми предателями, — мрачно, но с ноткой удовлетворения произнес Гельвидий, носком сапога указывая в сторону мертвого тела перед троном, — нам еще предстоит провести расследование и выяснить, кто вместе с этим выродком затеял бунт, проявил преступное бездействие, не доложив о подлом нападении, и тем самым покусился на верховную власть, данную нашему роду Великим Ткачом во благо всей страны

— Ваше величество, — прервал монаршую речь низкий рокочущий голос, — я с радостью предоставлю возможность вывести истину моим людям.

Гельвидий невольно вздрогнул и перевел взгляд с лежащего на полу тела на говорившего. Это был Ласа Эола, Верховный Епископ Анатеи, глава Коллегии епископов Восьминальной Церкви. Не торопясь, он вышел из-за спин министров, которые почтительно кланяясь расступились, чтобы пропустить его вперед. Черная сутана с длинными рукавами и двумя парами торчащих в стороны фальшь-рукавов делала его похожим на большого жирного паука, вставшего на задние ноги. Он опирался на черный посох, украшенный затейливым узором, на голове красовалась высокая черная

тиара, из небольшого рюкзака на спине свисала длинная тонкая волочащаяся по полу веревка.

Эола степенно подошел к самому трону и внимательно посмотрел на монарха. Гельвидий весь сжался как пружина, лицо его посуровело, челюсти сжались, взгляд стал колючим, он стал шарить в поисках кубка с вином, но потом опомнился и побелевшими костяшками вцепился в подлокотник трона.

– Нет необходимости задействовать Церковь, Ваше Преосвященство, — негромко сквозь зубы процедил Гельвидий, не отводя глаза от внимательного взгляда Епископа, — это дело сугубо светское Я, пожалуй, смогу задействовать агентов министра Рубрия. В конце концов, ведь именно Рубрий отвечает за внутренние дела.

Рубрий, министр внутренних дел и внутренней разведки, или как его еще называли «министр народа», выдвинулся из стайки сбившихся в кучу чиновников и с подобострастным лицом приготовился внимать повелениям Гельвидия. Однако Эола, не поворачиваясь, махнул рукой, давая понять, чтобы Рубрий вернулся на свое место, и продолжил свою речь, не обращая внимания на слова монарха.

– Наоборот, Ваше Величество. Церковь заинтересована в том, чтобы все враги государства были найдены и понесли самое суровое наказание. К сожалению, Ваше Величество изволили проявить некоторую э-э-э поспешность в отношении этого человека, – Эола небрежно указал рукой в сторону

тела старика, — как представитель дифийской знати и свидетель вторжения, он мог бы нам подробнее рассказать о нападении, действиях городской когорты, приведших к падению Дифии. Но, как говорится, что сделано, то сделано.

На лице Епископа появилось выражение отеческой доброты и безграничного терпения.

– Не беспокойтесь, Государь, – продолжил он, – мои люди в кратчайшие сроки разберутся в причинах и следствиях, найдут виновных и предадут их суровому, но справедливому суду. Ибо, как записано в «Тенетах вечной жизни»: «От Отца нашего не скроется грех свершивший и супротив Него пошедший, ибо грех как смола липнет, как копоть мажет».

– Да-да, «...и каждый увидит грешника во грехе его, и отвернутся от него все праведные, и возопит он от одиночества, отчаяния и страха». Делайте, как считаете нужным, Ваше Преосвященство.

Голос Гельвидия звучал тихо и задумчиво.

– Я всегда полагал вас отважным и мудрым правителем, — пророкотал Эола и, не дожидаясь ответа, направился в сторону выхода.

Гельвидий с отсутствующим видом посмотрел ему вслед. Гнев его окончательно прошел. Монарх сделал чуть заметное движение руки в сторону лежащего на полу тела. Мгновенно подбежали несколько стражей, подхватили труп старика за руки и за ноги и быстро вынесли из зала собраний. Слуги уже вытирали лужу из крови и вина на полу. Через

несколько секунд не осталось никаких свидетельств монаршей ярости.

– Ладно, я готов слушать Министра войны. — спокойным голосом произнес Гельвидий. – Доложите, кто решил напасть на наши западные границы. Остальные могут быть свободны. Да, Рубрий, жду тебя в моих покоях после вечерней трапезы.

Низко кланяясь, министры покинули зал собраний. Остался только министр войны Ликозий. Это был седой строгий пожилой мужчина внушительных размеров. На нем был серый меховой плащ, под которым виднелась серая солдатская форма. Ликозий стоял перед тронном Ткача, прямо глядя на Гельвидия.

Гельвидий откинулся на спинку трона, отпил вина из вновь принесенного слугами кубка.

– Давай, Ликозий, рассказывай, как могло случиться, что твои люди проморгали нападение.

– Ваше величество, – министр почтительно склонил голову, – не велите гневаться, но я предупреждал о том, что в западном море замечены неприятельские войска. Это тараруанцы, варвары, «люди моря», как они сами себя называют... Они захватили Дифию.

– «Люди моря», говоришь? – перебил Гельвидий, хмуро глядя на Ликозия. – Я не хуже тебя знаю, кто такие тараруанцы. И тебе, должно быть, известно, что мой дед Селькир Киелла сто лет назад гнал этих пиратов до самого Тараруа,

а затем жег их жалкие городишки. Они носа не смели показать за пределы своего камешка в Закатном море. А теперь ты утверждаешь, что они не просто подошли к нашим берегам, так еще и высадились там! И как получилось, о, Великие Сети, что ты еще не разбил их войска и не прогнал этих ублюдков прочь? Мало того, ты должен был потопить весь их жалкий флот до последней шлюпки, чтобы «морской народец» еще сто лет не смог даже рыбу в море ловить.

– Ты стареешь, Ликозий, – с иронией добавил Гельвидий.
– Пора на твое место поставить кого-то помоложе. Что скажешь? Может Фаид лучше справится с твоими обязанностями? Кстати, где он?

Услышав имя молодого палпимийского принца, Ликозий еще крепче сжал челюсти, лицо его вытянулось. Он стал похож на загнанного в угол старого матерого волка.

– Но Ваше величество! – запротестовал он. – Я дал приказ хладно-закатным и осиянно-закатным гарнизонам объединиться в районе Больших Мошек и начать военную операцию.

– Так почему, во имя Плачущих Вдов, мы еще не вышибли этих морских варваров с наших земель? – выкрикнул, распаляясь, Гельвидий.

Он привстал на троне и в обвиняющем жесте ткнул униженный перстнями толстый указательный палец в сторону Ликозия, будто намереваясь проткнуть министра.

– Мне запретили начинать эту кампанию до вашего воз-

вращения с охоты!

– Кто?!

– Ваш сын, принц Мактан, – неуверенно пробормотал Ликозий. – Он настрого велел ждать вашего возвращения.

Глаза Монарха округлились от удивления, он нервно отпил из кубка и потерял край мантии.

– Так ты говоришь, Мактан запретил тебе вести военные действия против тараруанцев до моего возвращения с охоты?

– Да, государь, – Ликозий перешел на шепот.

– Хм... Интересно, – Гельвидий потер седые виски.

У него начинала болеть голова.

– Ладно, ступай.

– А как же быть с варварами, Ваше величество?

– Как быть-как быть... – передразнил министра Гельвидий. – Я снимаю запрет Мактана, пусть хладно-закатные гарнизоны немедленно выступают и, если понадобится, присылай им подкрепление с осиянно-заката. Перебазируй флот и утопи их корабли все до единого! И чтобы я не слышал больше о тараруанцах!

– Слушаюсь, Ваше величество!

Ликозий поклонился, быстро попятился и скрылся за дверями зала собраний.

А вот лицо Гельвидия стало задумчивым. Оставшись один, он несколько минут сидел неподвижно как статуя, затем встал и стал ходить из стороны в сторону по залу собра-

ний.

– Мактан, подлый ублюдок, – бормотал Монарх и тер виски, голова его раскалывалась. – Куда ты лезешь? Какую игру затеял? Неужели этот прыщ Ягин говорил правду, и ты собираешься устроить бунт, неблагодарный сукин сын? Да, стоит подумать об изменении прав наследования. Пусть уж лучше младенец Эпсиний станет наследником. Я еще успею воспитать из него настоящего мужчину!

Эпсиний был вторым сыном Гельвидия от третьей жены. Это его держала на руках кормилица в зале собраний, когда в приступе гнева монарх оборвал жизнь дифийского вельможи. Старший сын – Мактан – все больше и больше вызывал недовольство Гельвидия. Он не желал быть в центре политической жизни, часто пропускал светские мероприятия, игнорировал внимание со стороны дочерей Великих князей. Лишь время от времени участвовал в королевских турнирах, да и то скорее от скуки. В общем, сын был полной противоположностью отца.

«Это все его проклятая мамаша виновата», – жаловался Гельвидий, – «У других дети как дети, а этот...»

Мактан напоминал ему его покойного старшего брата Америдиона – такой же своевольный, свободолюбивый, не желающий слушать и подчиняться.

От вина голова Гельвидия потяжелела, проклятая головная боль усиливалась, и он направился к своим покоям, чтобы прилечь перед вечерней трапезой и обсудить материаль-

ное обеспечение войск с Министром священных щедрот. Личная охрана и слуги, терпеливо поджидавшие своего сюзерена за дверями зала собраний, засемили следом.

Идя по коридорам дворца, ярко освещенным солнцесферами, Гельвидий будто впервые рассматривал портреты своих предков, сурово глядящих на него с задрапированных стен. Это были короли прошлого из династии Теридиидов: отец Гельвидия Тимоной, дед Селькир Киелла, прадед Эпсиный Мрачный, прапрадед Рубор Ридион, правивший по преданию более ста лет. Перед ним представляли короли и князья Дорахнийского периода, когда Улобор, Вабарра, Гиканий и Изела еще были вольными городами-государствами, когда Спин Тарус был опасным врагом, а не мирной провинцией, поставляющей зерно, молоко, сыр и шерсть.

– Ты стар и немощен, – с укоризной говорил Гельвидию дед, красуясь на портрете в своих антрацитово-черных доспехах. – Ты разжирел и одрях, пируя и прожигая свою жалкую жизнь. Мы строили Объединенную Анатею, бились и проливали кровь за каждый клочок земли для нашего народа, а ты лишь почиваешь на лаврах.

– Я всегда считала тебя слабым и недалеким, – бесцеремонно и безапелляционно заявляла мать Гельвидия Крустулина Менге.

Безукоризненно уложенные волосы и ни единой лишней складки на платье, ни единой морщинки на гладком лице. У нее был деспотичный характер и твердая рука. Крусту-

лина никогда не лгала и не юлила. Прямая как стрела, всегда бьющая точно в цель. Единственной ее слабостью был брат Гельвидия Америдион – красивый, гордый, безупречный, мужественный воин, не знавший поражений на турнирах, гордость отца и матери.

– Ты разрушил все, что я передал тебе, – мрачно твердил отец Гельвидия Тимоной. – Лучше бы Анатея досталась твоему брату Америдиону. Это не он, а ты тогда должен был погибнуть! Ты повинен в его смерти! Америдион не допустил бы вторжения варваров в Анатею.

– Ты позор Теридиидов! – голоса предков слились в единый хор.

Перед глазами сменялись лица предков, грозящие, хулящие, обвиняющие. Гельвидия била крупная дрожь, голова раскалывалась, лоб покрылся липким холодным потом, в глазах помутилось. Монарх покачнулся и закрыл глаза руками.

– Нет! Вы лжете! Отец, почему ты так несправедлив ко мне? Как ты можешь говорить такое? Америдион сам виноват, что отправился без охраны в Вабарру! Я предупреждал его, что в тех местах неспокойно! Я любил брата!

Гельвидий упал бы на колени, но слуги мгновенно подхватили его под руки. Из глаз его текли слезы, горло перехватило от едва сдерживаемых рыданий, сердце билось так, что казалось, оно сейчас выскочит из груди.

– Мама, почему ты всегда была так строга ко мне, а ему все

прощала? Почему ты так ненавидела меня, что даже умерла мне назло в день моей свадьбы?

Из горла Гельвидия вырвалось бульканье, лицо стало неестественно бледным.

– Мактан, проклятый ублюдок! Что ты наделал? – прохрипел монарх, тело его обмякло, он начал заваливаться назад. Слуги, державшие его под руки, в панике громко стали звать лекаря. Но было поздно. Глаза монарха закатились и остекленели, из уголков рта на подбородок медленно стекала струйка пенящейся слюны.

Гельвидий I Теридиид был мертв.

– Вы все сделали, как я сказал? – мужчина требовательно постучал пальцами по столу.

– Да, господин. Все сделали согласно вашим указаниям.

– Хорошо. Он не проболтается?

– Вряд ли. Он сильно напуган. Но в случае чего, мы примем меры, чтобы он замолчал навсегда. Кроме того, мы потребовали от него действовать не самому, а задействовать кого-то из прислуги.

– Почему не устранили его сразу?

– Это поможет затянуть расследование. Пока выйдут на него, пройдет достаточно времени, чтобы подозрение пало на нужного нам человека. Помимо этого, сначала, скорее всего, будет найден непосредственный исполнитель, он укажет на заказчика.

– Разумно. Вот еще. Мне нужно, чтобы вы избавились от принца. В ближайшее время.

Собеседник выгнул бровь, но возражать не стал:

– Как прикажете, господин. Задействовать их же? наших гесперов?

– Да.

– Как поступить с телом?

– Избавьтесь от него. Принца должны долго искать, чтобы он оказался первым в списке подозреваемых. И лучше бы его и вовсе не нашли. Приступайте немедленно. Его слугу тоже пускайте в расход.

Глава 2

Пыль клубилась под копытами коня Викки, снискавшей себе славу непобедимой и бесстрашной воительницы. Она вела отряд могучих воинов навстречу коварному и безжалостному врагу. Под лучами восходящего солнца их доспехи ослепительно сияли и казалось: то не люди несутся навстречу кровавой схватке, то ангелы мщения летят, дабы покарать темные силы и низвергнуть их в пучины Ада. Впереди на холме показалось неприятельское войско. В черных доспехах, с черными стягами и на вороных скакунах они походили на грозную тучу. Пики сверкали как молнии.

Викка вскинула вверх руку, приказывая остановиться. Она развернула своего коня, чтобы обратиться к отряду.

— Славные воины! — громко крикнула воительница. — Бейтесь! Пусть враг силен, но я знаю — наш дух сильнее! Победа будет за нами! Вперед!

Вдохновленные этой пламенной речью, воины бросились навстречу врагу. Через пару минут оба отряда схлестнулись. Викка была в первых рядах, направо и налево нанося точные и страшные удары своим огромным мечом. Она прорубала себе дорогу к центру неприятельского отряда, где огромный как скала возвышался среди своей личной охраны мятежник и головорез граф Эпсинус Нубилус.

Неожиданно ее конь по кличке Пламень пошатнулся и,

громко заржав, стал падать, сраженный вражеской пикой. Он верой и правдой служил ей уже много лет. Но времени оплакивать потерю не было. Воительница уже пешая с мечом наперевес и тремя верными воинами стала с боем прорываться вперед, все ближе подбираясь к мятежнику Нубилусу.

Охрана графа оказала жестокий отпор, но вскоре все они уже были мертвы. Никто из них мог сравниться с Викторией Бесстрашной. И вот граф уже стоял перед ней. Шести локтей ростом, он был настоящим великаном, в руках его был черный меч исполинских размеров, а из-под массивного черного шлема виднелось ухмыляющееся лицо. Он видел, что Виктория устала. И правда — она запыхалась, в пылу битвы не заметила нанесенных ей ран. И теперь, когда победа была так близка, усталость нахлынула на воительницу, ноги налились свинцовой тяжестью, руки повисли как плети, а верный меч казался тяжелым как молот кузнеца.

Граф Нубилус, все так же ухмыляясь, спрыгнул с коня и медленно пошел в ее сторону. Его охрана почтительно расступилась и выставила вперед щиты, образуя круг, в котором должна была произойти финальная схватка. Виктория остановилась, опершись на меч, и тяжело дыша стала ждать приближения соперника.

Ее противник решил использовать простую и проверенную тактику: окончательно вымотать и без того уставшую Викторию, а затем позабавиться над измученной жертвой. Он то яростно атаковал, то кружил вокруг воительницы, заставляя

ее постоянно двигаться и уворачиваться от быстрых мощных выпадов. Викка начала ошибаться, на ее теле появились многочисленные кровоточащие порезы. Силы окончательно покинули ее. И вот после очередной атаки графа она упала на одно колено, опустила голову и выпустила из рук меч. Неприятельский отряд взревел от восторга. Нубилус сорвал с головы шлем и захохотал.

— И это знаменитая Викка Бесстрашная? — прокричал он сквозь смех. — Да ей только на ферме коров за сиськи дергать да ублюдков рожать!

Вокруг раздался грубый хохот. Отвратительного вида вражеский вояка с кривой рожей сложил слюнявые губы трубочкой, изображая поцелуй. Другой схватился рукой за пах, высказывая оскорбительные скабрзные предложения.

Но Викка не видела и не слышала их. Тяжело дыша, она стояла на коленях в центре круга. Граф убрал меч в ножны и вытащил длинный черный кинжал. Он обошел воительницу сзади, приблизился еще на пару шагов, схватил Викку за волосы и потянул к себе. В мгновение ока Викка выхватила спрятанный в голенище нож, взвилась в воздух, оставив в руках изумленного противника клочок длинных черных волос. Она развернулась и в прыжке всадила нож по самую рукоять между шейных пластин доспеха, аккуратно в горло своего врага. Раздался хруст — это лезвие пробило гортань, шейные позвонки и вышло наружу. Из раны обильно хлынула кровь. Граф Эпсинус Нубилус удивленно выпучил глаза, изо

рта его хлынула кровь и рухнул на истоптанную землю. Лежа в кровавой грязи, граф посмотрел в глаза Викке и произнес неожиданно высоким женским голосом:

— Ежевичка! Ежевичка! Пора вставать! Ну сколько можно спать? Опять свои книжки полночи читала? А ну вставай. Коровы сами себя не подоят!

Ежевика застонала, потеряла глаза, прогоняя остатки сна, громко зевнула, свесила ноги с лежанки, нащупала ступнями растоптанные галоши и, сонно потягиваясь и почесываясь, отправилась к тазу с водой. Умывшись, она посмотрела на себя в старое, покрытое темными пятнами, зеркало. Да, печальное зрелище, просто душераздирающее зрелище: короткая стрижка, за которую ее все время ругает отец, лицо круглое, оспины на щеках. Не лицо, а горелый блин. Точно не красавица. А постоянная тяжелая работа на ферме не прибавляет привлекательности, а только лишь множит морщины. Руки и ноги, мощные как стволы деревьев, покрыты мозолями и синяками. Кому такая нужна? Родители сватают ее соседу-фермеру, старому плешивому вдовцу, который пережил уже двух жен и так уж и быть готов взять эту вашу уродину, если родители Ежевики дадут соответствующее приданое. Что за сраная жизнь!

Отец и мать уже сидели за столом и завтракали, когда она вошла в кухню. Ежевика положила себе в деревянную тарелку три ложки загустевшей каши из горшка, зачерпнула из ведра воды глиняной кружкой и отломил от краюхи черст-

вого хлеба небольшой кусок. Родители ели молча. Было видно, что они уже успели поругаться с утра. Отец был на взводе и еле сдерживался. Ежевика решила, что благоразумнее будет молча побыстрее съесть свой завтрак и поскорее смыться в коровник. Но не успела она доесть кашу, как отец язвительно спросил:

— Что-то ты не выпалась. Опять до ночи читала свои идиотские рассказы?

Ежевика сочла разумным промычать что-то невразумительное, но отца уже было не остановить.

— Чего мычишь, как корова? Совсем мозги последние растеряла? Вот возьму и сожгу твои книжонки! Что они тебе дадут в жизни? Да ничего! Посмотри на себя, в кого ты превратилась! Волосы состригла. И так не красавица, а теперь и вовсе как мужик стала. Кому ты такая нужна? Ты бы вместо книг своих взяла бы да занялась собой. Вон Мятлик, кузнеца сын, олух, но хоть не старый как сосед наш Подорожник, козел лысый, мать его так Пришла бы, повиляла задом, винцом его угостила, затащила на сеновал. А там уж он как честный человек и женился бы.

Тут за Ежевичку вступилась мать.

— Лен, как ты можешь говорить такое? Да Мятлик же хромой, и пальцев на левой руке не хватает.

— А чтоб детей делать, на руках пальцы и не нужны, аль ты забыла, Вербя? Там другой палец потребен. Вон у кровельщика дочь, Смородина, тощая и косоглазая, а смогла ко-

сыми своими глазами настрелять так, что печника у евонной жены увела. И ничего, живут теперь душа в душу, скоро уж почитай третьего сына ему родит. Вот как надо!

— Не хочу я ни Мятлика соблазнять, ни семьи печников разрушать, — не выдержала Ежевика. — И вообще, как тебе такое в голову могло прийти? Поить и соблазнять Мятлика? Это отвратительно!

— А чего ты хочешь, — взъелся Лен, — принцев тебе подавай? Воителей? Графьев да лордов? Как в книжонках твоих гнусных? Голову они тебе затуманили, книжки эти твои. Совсем чужая стала, неродная. А ты бы лучше отца послушала.

— Ладно тебе, Лен, — вмешалась Вербка, — найдет Ежевика себе мужа.

— Когда? — не унимался отец. — Священник сказал: если до тридцати пяти лет она останется незамужней, ей запретят рожать.

— Отец, отстань от меня! — зашипела Ежевика, — Я сама буду решать, как мне дальше жить, рожать мне или не рожать! И прекрати у меня за спиной обсуждать мою жизнь. А если не прекратишь, сбегу из дома!

Лен зло посмотрел на дочь, затем на жену, треснул кулаком по столу так, что загремела посуда, а из кружки Ежевики расплескалась вода, потом встал, накинул зипун и пошел к выходу. Перед тем как выйти, он взглянул на Вербку.

— Разбаловала ты ее, мать, — прорычал он, затем вышел

из дома и громко захлопнул за собой дверь.

Мать окинула Ежевику заботливым взглядом.

— Не сердись на отца, он переживает за тебя.

— Он переживает не за меня, а за себя. Думаешь, я не слышала, как над ним смеются другие мужики. Мол, дочь у тебя уродина и уже старая, чтобы детей рожать. А он в ответ молчит и злится. Злится не на них, а на меня почему-то! А потом все свои обиды на мне вымещает. А я разве виновата, что вы меня уродиной родили?

— Никакая ты не уродина, — Верба погладила дочь по руке, — у тебя очень красивые глаза.

— Тебе легко говорить, сама-то ты красивая.

Это была правда. Верба была очень красивой женщиной: идеальная кожа, большие черные глаза с густыми ресницами, от чего глаза казались еще больше; тонкий нос правильной формы, полные темные губы, густые кудрявые роскошные блестящие волосы без следа седины, аккуратно стянутые ярким разноцветным шнуром. Несмотря на адский труд на ферме, она умудрилась сохранить красоту. Ей было уже под шестьдесят, но ее фигуре могла позавидовать двадцатилетняя девушка. Она выглядела бы моложе дочери, если бы не паутинка морщинок на красивом лице.

— Милая, моя, — назидательно произнесла Верба, — быть женщиной в нашем мире трудно. Быть женой фермера еще труднее. Мы всю жизнь работаем, чтобы хоть как-то выжить. И, поверь мне, красота в такой жизни иногда бывает

только помехой. Когда мы с твоим отцом были молоды (еще до того, как ты появилась на свет), мы натерпелись многого из-за моей красоты. Меня десятки раз пытались похитить, изнасиловать, даже убить. Мне завидовали, да и сейчас завидуют. Соседские жены ревнуют ко мне своих мужей и до сих пор пытаются распускать обо мне разные гнусные слухи. И только благодаря твоему отцу я смогла вынести все это. Он защищал меня и оберегал от посягательств, он сотни раз дрался, чтобы меня не отобрали у него. Он очень надеялся, что родится сын, который сможет защитить нас в старости, но родилась дочь. А больше живых детей мы родить не смогли. Поверь, он очень тебя любит, очень за тебя переживает, но не может высказать этого. Чего ты хочешь от человека, вокруг которого скотина и соседи-деревенщина?

Ежевика почувствовала укол совести. Мать вздохнула, положила свою изящную руку на ее кисть и сжала пальцы.

— Ежевичка, тебе надо послушать отца. Если подумать, Мятлик не такой уж и плохой вариант. Я не настаиваю, но ты подумай как следует. Не торопись. Ты стесняешься своей внешности? Но ведь у женщин перед мужчинами всегда есть преимущество, каждая из нас умеет обольщать. Так что твой отец по-своему прав. Если хочешь, я могу помочь тебе советом.

Такого поворота Ежевика не ожидала. Чувство вины мигом испарилось. Она вздрогнула и отдернула руку. Потом встала, оставив недоеденный завтрак и, не говоря ни слова,

отправилась в коровник.

Сидя на перевернутом дырявом ведре и пуская из вымени коровы в подойник белые пенные струи, Ежевика приняла самое сложное решение в своей жизни. К черту эту жизнь, к черту Мятликов и Подорожников, к черту сраных коров! Решено — она сбежит из дома и отправится напрямик в монастырь Черных вдов. Там уж ее не будут заставлять выходить замуж. Это уж точно.

Словно почувствовав ее решимость (или она просто слишком сильно дернула рукой), корова замычала, повернула голову и беспокойно уставилась на Ежевику влажным карим глазом с длинными ресницами.

Ежевика второй раз за утро почувствовала укол совести. Она успокаивающе погладила корову по пятнистому боку.

— Ладно, — проговорила она извиняющимся тоном, — прости, Пятнушка. Вы, коровы, не сраные. Вы ни в чем не виноваты. Это жизнь у меня сраная.

Глава 3

Стриж, задыхаясь, прислонился к прохладной каменной стене здания. Ноги подкашивались, легкие были готовы разорваться, сердце бешено колотилось и, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Он уже не мог бежать. Из горла вырывались свистящие хрипы, в ушах шумело. Он присел на корточки, а потом и вовсе опустился на мостовую. Сквозь оглушительный стук сердца он прислушался — погони не было слышно. Возможно, его преследователи притаились где-то за углом? Но зачем им это? Если бы они знали, где он, то давно бы уже схватили. Стриж накинул на голову капюшон и попытался восстановить дыхание. Потом на всякий случай проверил книгу — она была на месте.

Он совсем не знал города, хотя и жил в получасе езды от него. Но так сложилось, что за все свои шестнадцать лет, он так ни разу и не побывал в Асагене. Куда же ему идти, где прятаться? Да и разумно ли скрываться в городе? Безусловно, он знал наизусть карту Асагены — сначала он помогал мастеру Перьегу печатать карты города, а в последние пару лет и сам делал это бесчисленное количество раз (благо столица быстро прирастала новыми районами, и муниципалитет несколько раз в год заказывал мастеру Перьегу обновленные карты). Но карта — это одно, а реальный город — это совсем другое. Наверняка любой горожанин, и уж тем более страж-

ник, знают больше, чем изображено на любом плане. Здесь даже больше шансов, что его поймают. Значит надо выбираться. Идти в Гиканий, Улобор да хотя бы даже и в другую страну, скажем, в Палпим или даже в Рет. Куда угодно, но только подальше.

«Это я во всем виноват, – думал Стриж, – надо было слушаться мастера, не слушать всю эту ересь, не брать эту проклятую книгу. Но нет же, я захотел стать самостоятельным, сделать что-то по-своему. И что теперь? Я бегу и прячусь как мышь, а мастер»

Стриж задрожал, его била крупная дрожь от воспоминаний, как вскрикнул его учитель, звук падения прозвучал неестественно громко, как взрыв фейерверка на день Ткача. А он, Стриж, бежал!

Подлый трусливый предатель!

В горле появился ком, в глазах защипало, Стриж судорожно всхлипнул, но тут же зажал себе рот. Ревет как девчонка! Уж если решил стать взрослым, так будь добр держать себя в руках.

На улице быстро темнело. В подворотне, куда спрятался Стриж, стало совсем темно. Ото всюду исходило мерзкое зловоние человеческих испражнений. Это место явно использовалось как общественный туалет. Откуда-то стали доноситься пьяные крики, нестройные звуки музыки. Пару раз мимо Стрижа промелькнули быстрые подозрительные тени, при виде которых сердце снова начинало биться часто и тре-

можно. Вдруг одна из теней резко остановилась, словно гончая, учуявшая след. Перед Стрижом показался человек, одетый во все темное. Он достал из-за пазухи небольшой фонарь, зажег его и всмотрелся в подворотню.

— Выходи, — негромко сказал человек, — я тебя вижу.

Стриж еще сильнее вжался в стену и не двинулся с места.

— Выходи, говорят тебе, — повторил человек и двинулся в сторону Стрижа, — и деньги гони, а не то...

И человек красноречиво откинул полу темного плаща и поднес фонарь к висящему на поясе ножу.

Стриж, дрожа всем телом, поднялся на ноги и медленно, словно во сне, пошел в сторону человека. Тот поставил фонарь на мостовую, достал нож и поманил Стрижа к себе.

— Вот так! Без глупостей. Просто отдай мне деньги, и я тебя не трону.

Его голос звучал даже немного ласково, что неприятно контрастировало с угрожающими жестами. Стриж подошел к грабителю и трясущимися руками стал снимать с пояса кошелек. Денег там было мало, едва ли хватило бы на краюху хлеба, но делать было нечего. Он отдал кошелек грабителю. Тот сначала одобрительно хмыкнул, но пощупав кошелек, рассердился.

— Ты это что, обмануть меня решил? Где еще деньги?

— Но но у меня больше ничего нет.

— Врешь, щенок!

— Нет же, честное слово!

— А я говорю врешь! Я не люблю, когда мне врут! А это у тебя что? — грабитель ножом указал на книгу, которую Стриж заткнул за пояс штанов и сейчас неловко пытался скрыть.

— Ничего, просто книга...

— Книга, говоришь? — грабитель неприятно хмыкнул. — Скубентик что ли? Знаем мы вашу братию. Чтобы учиться, денежки нужны. Немалые.

Он сделал многозначительную паузу.

— Значит на книжки у него монеты водятся, а поделиться с ближним не хочешь. Так? А Всеотец велел всем делиться с ближними. И как там говорится в восьмикнижии-то? «И если ближний мой просит меня в минуты нужды его, то даю ему стократ, ибо все люди братья и каждый связан нитью единой с каждым. И все связаны со Всеотцом. И воздастся тысячекратно дарителю за дар его. Но горе мне, если ближнего обделю и, имея блага, не спасу его от нужды, ибо гнев Ткача падет на меня и лишусь я спасения и оплакивать буду судьбу свою». Ну что скажешь, скубентик, не один ты вумный такой?

Грабитель явно наслаждался тем, что запомнил такой длинный отрывок из «Тенет вечной жизни». Его голос на минуту даже стал вдохновенным, как у пастора во время проповеди. Это настолько не соответствовало всей ситуации, что Стриж нервно фыркнул.

Грабитель злобно зашипел, выпуская воздух сквозь зубы,

и так же сквозь зубы процедил:

– Что, смешно тебе, щенок? А я как сейчас пощекочу тебя перышком, посмотрим, как тебе весело будет, вместе посмеемся!

С этими словами грабитель сделал движение ножом в сторону Стрижа. И в этот момент произошло нечто необъяснимое. Взгляд Стрижа затуманился, сердце как будто перестало биться, звуки вокруг стихли. Вонючая подворотня исчезла, пропали дома и мостовая. Стриж словно парил в ночном небе, усеянном мириадами мерцающих звезд. Приглядевшись, Стриж увидел, что это вовсе не звезды, а человеческие фигурки. В груди каждой фигуры слабо мерцала красная точка. Присмотревшись еще внимательнее, Стриж обнаружил, что сквозь мерцающие точки проходит еле заметная тонкая красная пульсирующая нить. Завороженный зрелищем он повернул голову и вскрикнул от испуга. Прямо перед собой он увидел грабителя. Тот словно висел в воздухе. Благодаря идущей сквозь грудную клетку мерцающей красной нити –концов ее не было видно, они уходили куда-то во тьму – грабитель был похож на театрального паяца. Сообразив, что опоры под ногами нет, Стриж отчаянно закричал, размахивая руками и ногами. Ища хоть какую-то опору, он протянул руки и ухватился за нить, выходящую из груди злоумышленника. Нить с легким шипением (или это просто показалось) потухла и исчезла из виду. К Стрижу вернулось ощущение реальности. Грабитель никуда не исчез, но он с

изумлением посмотрел вокруг, затем схватился за грудь, издал гортанный звук, а потом упал, забившись в конвульсиях, изо рта у него обильно потекла пена.

Стриж, не помня себя от страха, выхватил у него из ослабевших рук свой кошелек и со всех ног помчался вдоль переулка.

Он бежал до тех пор, пока снова не стал задыхаться. Чтобы перевести дыхание он остановился около какого-то трактира. У входа стояло несколько женщин. По виду женщин легко можно было догадаться об их профессии.

– Эй, паренек, – окликнула Стрижа одна из женщин, – куда бежишь? От бабушки и дедушки? Ну так не бойся, мы не лисы – не съедем.

Ее подруги засмеялись.

– Заходи, у нас весело! – женщина схватила слабо сопротивляющегося Стрижа за рукав и потащила в помещение.

– Не надо, не тащите меня...

– А что так?

– И у меня, и вас будут проблемы.

Женщина остановилась и внимательно посмотрела в лицо Стрижа.

– Давай, рассказывай, от кого бежишь. Ты вор? Украл что? Так это не беда: у нас тут одна половина воры, вторая – проститутки.

– Я не могу рассказать.

– Расскажи, – потребовала женщина. – И не бойся, что

сдам тебя. У меня, знаешь ли, тоже не все гладко с законом.

— Меня ищет стража. Они убили моего учителя. И гнались за мной.

Женщина оценивающе окинула взглядом Стрижа и пристыдила.

— Ого! Да, дело худо. Ладно, ты, конечно, не просил, но я попробую тебе помочь незаметно сбежать из города.

— Спасибо!

— Пока не за что.

Женщина провела Стрижа в здание. Они пересекли несколько очень шумных залов и зашли в небольшую задымленную комнату, где сидело несколько человек. Они пили что-то из больших оловянных кружек и играли в карты на деньги.

— Вот, посиди тут, а я пока узнаю, что можно сделать.

Женщина усадила Стрижа на шаткий колченогий табурет у стенки, а сама ушла в соседнюю комнату, из которой раздавалась музыка.

Сидевшие за столом поначалу не обращали на вновь прибывшего никакого внимания. Они перекидывались короткими фразами: «Играю», «Пропускаю», «Тасуй», «А вот я тебе и отвечу!» Иногда фразы перемежались проклятиями проигравших, обвинениями в жульничестве и грубыми шуточками.

Наконец, когда кон был сыгран, один из картежников, потрепанный худощавый детина, одетый в не менее потрепан-

ную одежду, некогда бывшую чем-то вроде мундира, сгреб в свою сторону несколько монет, отхлебнул из кружки, сплюнул сквозь зубы и повернулся к Стрижу.

– А енто у нас хто таков? – он ухмыльнулся, во рту у него блеснул металл.

Стриж ничего не ответил.

– Ентова мальчонку Белка привела, – добродушно отозвался другой картежник, полная противоположность первому – толстый, лысый коротышка в засаленной холщовой рубаше неопределенного цвета.

– Заткнись, Пень, не с тобой балякаю! – грубо оборвал детина коротышку. Коротышка обиженно умолк и громко сопя принялся тасовать колоду карт.

– А чей-то ты молчишь? – вновь обратился детина к Стрижу, голос его стал угрожающим, – Аль не пристало скубенту с эдакими отбросами как мы беседы вести?

Стриж заелозил на табурете, отчего одна из ножек подломилась и он с грохотом рухнул на оплеванный соломенный пол.

Картежники грохнули от хохота. Все кроме худощавого детины. Он лишь презрительно глянул на скорчившегося на полу Стрижа, демонстративно сплюнул, а потом отвернулся, отобрал у Пня колоду и стал с отсутствующим видом раздавать карты игрокам.

В этот момент в комнату вернулась Белка и застыла, глядя на хохочущих картежников, лежащего на полу Стрижа и

отстраненного худого детину, раздающего карты.

– Что тут произошло? – громко и требовательно крикнула женщина, подскочила к худому и схватила его за шиворот. – Это ты, Зубило, с ним что-то сделал?

Зубило нервно откинул ее руку.

– Нет, Белка, не трогал я тваво щенка. Не больно он мне нужен! Ентот твой скубент нас простых парней ни во что не ставит. Я ихнее имя хотел узнать, а они молчат, аки рыба на вертеле. А с тубаретки они самостоятельно сверзились, ножки подгнили видать. Как и все в енттой рыгаловке.

Зубило с вызовом посмотрел на Белку.

– Ах ты патлатый гриб, – зарычала Белка, – не нравится ему тут! Так и вали, пока Быка не позвала.

– Ну и свалю, – огрызнулся Зубило.

Он встал, сделал вид, что отряхивается, небрежным движением руки смахнул со стола кружку и колоду, так что карты разлетелись по всей комнате, а кружка со звоном упала на пол и покатилась, оставляя на полу пенные пивные потеки. Затем Зубило натянул на голову облезлый картуз и с гордым видом удалился.

Белка выругалась ему вслед и погрозила кулаком, а потом обернулась к остальным. Они сделали вид, что не замечают ее гневных взглядов. Пень бросился поднимать карты и стряхивать с них прилипшую солому, остальные молча пили, глядя каждый в свою кружку.

Белка подошла к стоящему в сторонке Стрижу, взяла за

руку и потащила по коридору. Они прошли несколько шагов прямо, потом свернули несколько раз и наконец зашли в небольшую комнату с лежанкой, где, по всей видимости, проститутки обслуживали своих клиентов. Женщина усадила спутника на лежанку и села рядом.

— Ситуация такая, э-э-э Как там тебя зовут?

— Стриж.

— Хорошо. Я Белка. Ситуация такая, Стриж. Один хороший человек сказал мне, что может помочь вывести тебя из города. Тебе есть, чем ему заплатить?

Стриж протянул ей свой тощий кошелек.

— Это все, что у меня есть.

— Негусто, — протянула она задумчиво. — Ну да ладно, я сама докину до нужной суммы. Считай это проявлением моей доброй воли. Ну, или как хочешь, так и считай.

— Спасибо.

— Пока не за что. Вот получится убежать, тогда и скажешь спасибо тете Белке.

— Хорошо, — покорно проговорил Стриж.

Он чувствовал себя очень странно. Перед глазами появлялся образ грабителя, через грудную клетку которого проходит светящаяся красная нить. А еще у него было ощущение, как будто все окружающее пространство слегка колыхается. От этого кружилась голова и слегка подташнивало. В груди он чувствовал странное пульсирующее тепло, в висках вибрировало.

— Эй, парень! — Белка с беспокойством посмотрела на Стрижа. — Ты не болен, часом?

— Нет, — еле выговорил Стриж, чувство только усиливалось, — просто устал, долго бежал.

— Ну, отдохни немного. Мне все равно нужна пара часов, чтобы обо всем договориться и достать деньги. Спи пока.

— Не уходи, пожалуйста, — выдохнул Стриж, хотя не собирался говорить этого.

— Ладно тебе, — засмеялась Белка, — никто тебя не тронет. Зубило ушел. Я предупрежу, чтобы сюда никто не совался.

Только она поднялась с койки, раздался крик «Облава!» В соседних комнатах засуетились люди. Полуодетыми или раздетыми они выскакивали из комнат в коридор и бежали к окнам и запасным выходам.

— Что случилось? — испуганно прошептал Стриж.

— Облава, — мрачно ответили Белка. — Как некстати. Надо смываться. Там есть выход через подвал. Давай! Двигай, двигай! — прикрикнула она, Стриж вскочил с койки и пошатнулся.

Белка схватила его за руку, и они быстро побежали в сторону комнаты, где случился конфликт с Зубилом. Но там их уже ждали четверо. Двое были городскими стражами в коричневой форме, в руках мечи. С ними был латродект в черных доспехах с оранжевыми полосами. На голове его поблескивал черный лакированный шлем с двумя рядами выпук-

лых глаз, в верхнем ряду – четыре крупных и четыре мелких в нижнем ряду. Четвертым был никто иной как Зубило. Завидев Белку и Стрижа, он ощерился и показал длинным указательным пальцем с грязным ногтем: «Вот он!» Парень и женщина бросились в обратную сторону, но стражи быстро нагнали их, схватили, вывернули руки за спину и вернули в комнату.

– Что, съела, сучка? – злорадно хихикнул Зубило.

– Я с тобой еще поквитаюсь, Зубило, – с достоинством произнесла Белка.

– А ну, молчать! – прервал их латродект. Голос из-под шлема звучал глухо.

Он повернулся к стражам, державшим пленников.

– Уведите их.

Латродект развернулся и пошел к выходу первым, стражи потащили сопротивляющихся Белку и Стрижа следом. Закрыл шествие ухмыляющийся Зубило.

Внезапно раздался короткий вопль, хруст, потом хватка стража, державшего Стрижа ослабла, а затем он и вовсе отпустил парня. Тот удивленно посмотрел по сторонам и увидел огромного человека с черной бородой и толстыми волосатыми ручищами, который стоял рядом с телами стражей. Позади виднелся сидящий у стены Зубило с разбитым лицом, рукой прикрывающий окровавленный рот и нос. Рядом валялось несколько металлических зубов.

– Бегите, я задержу паука, – коротко приказал гигант.

– Бык, он же убьет тебя! – закричала Белка.

– Беги, женщина!

Но на ее лице появилось упрямое выражение. В этот миг в комнату вернулся несколько обескураженный латродект. Он посмотрел на лежащих стражей, быстро извлек из ножен странный короткий посох с красным мигающим наконечником и медленно пошел в сторону Быка.

Ощущение, что пространство колыхнется, усиливалось. Стрижа качало из стороны в сторону. От тошноты глаза наполнились слезами, а рот слюной. Он попытался стряхнуть с себя это чувство, однако, когда он вытер слезы, то увидел, что вся обстановка трактира исчезла, он снова будто парил в темноте, а вокруг все было буквально пронизано пульсирующими красными нитями, они проходили всюду, и на них как жемчужины на ожерелье были нанизаны находящиеся в комнате люди. Все кроме латродекта. С ним все обстояло иначе – люди располагались на параллельно проходящих нитях, а латродект как бы стоял на одной из перпендикулярных нитей, шел по ней как канатоходец. На конце короткого посоха в его руке был виден небольшой самоцвет, по форме напоминающий коготь и испускающий неяркий красный пульсирующий свет. Этим когтем он тянулся к нити, выходявшей из груди Быка.

Стриж завопил и попытался броситься в сторону латродекта, понимая, что тот пытается каким-то образом нанести вред защитившему его мужчине. Но латродект двигался

быстрее и увереннее. Вот он уже приблизился к Быку, протянул свой посох. Стриж закрыл глаза, чтобы не видеть происходящее. Но вдруг он услышал какой-то тяжелый глухой удар и странный хруст, сменяющийся протяжным стоном, и немедленно открыл глаза. Он сидел на грязной заплыванной соломе публичного дома, напротив него лежал и тихо стонал латродект, шлем был сильно продавлен упавшим тяжелым каменным светильником, из-под забрала текла кровь. За его спиной стоял бледный как полотно коротышка Пень.

Бык с изумлением посмотрел на Пня, потом быстро взял себя в руки.

– Надо срочно в укрытие!

Он протянул руку Стрижу и одним рывком поставил парня на ноги. Белка тем временем уже успела куда-то сбегать и теперь вернулась, засовывая что-то в дорожную торбу. Она секунду поколебалась, затем схватила посох латродекта и тоже запихнула в сумку.

– Зачем это тебе? – спросил Бык.

– Пригодится. Я знаю людей, готовых выложить кругленькую сумму за эту штуку, – ответила женщина.

Бык пожал плечами, но возражать не стал.

Все четверо – Бык, Белка, Стриж и Пень – осторожно оглядываясь, вышли через потайной ход в дурно пахнущий,

заваленный мусором переулок и тихо двинулись в неизвестном Стрижу направлении. На улице светало, на пути четверки никто не встретился, лишь пару раз крысы, встревоженные незваными посетителями, с недовольным писком перебегали им дорогу.

Сколько они шли, Стриж не знал. От усталости и напряжения перед глазами летали черные мушки. Путники поворачивали то направо, то налево. Иногда ему казалось, что они уже обошли полный круг и сейчас снова вернутся к трактиру, но они продолжали двигаться вперед. Наконец Бык резко остановился, прижал палец к губам, призывая всех молчать, затем внимательно осмотрел покосившуюся деревянную дверь, покрытую облупившейся голубой краской, и несколько раз легонько постучал, используя какой-то специальный ритм. Прошло тридцать-сорок ударов сердца и дверь, скрипнув, приоткрылась. В образовавшуюся небольшую щель кто-то выглянул, дверь закрылась, послышалось звяканье цепи и дверь открылась полностью. Из проема высунулась лохматая голова, внимательно оглядела посетителей, затем зыркнула по сторонам, затем кивнула Быку, мол, заходите.

Глава 4

В день смерти Гельвидия тем же вечером был экстренно созван Малый Совет, собравший великих князей, министров и представителей духовенства. В зале совещаний все прибывшие уселись за огромный стол. Воцарилась гнетущая тишина.

Первым взял слово Геланор, Первый министр, обычно игравший роль секретаря на подобных собраниях.

– Кхм-кхм, – он прочистил горло, явно не зная с чего начать, – господа, мы собрались здесь, поскольку необходимо принять ряд решений в связи с...

Он нервно кашлянул, окинул присутствующих быстрым взглядом и продолжил:

– В связи с последними событиями... В первую очередь следует решить вопрос с престолонаследием.

– А что тут решать? – вмешался Рубрий, народный министр, – У Гельвидия есть сын, Мактан, по нашим законам он должен занять трон после смерти отца. Кстати, где он?

– Мы уже послали за ним, – поспешно отозвался Геланор. – Он должен прибыть в Зал Совещаний с минуты на минуту.

– Хорошо, тогда какие следующие вопросы в повестке?

– Помимо престолонаследия мы должны сформировать группу по расследованию гибели государя Гельвидия. Вся ситуация, с позволения сказать, довольно подозрительна.

– Да? – вскинул голову Янула, Великий князь Улоборский, – Сдается мне ничего подозрительного в его кончине нет. Гельвидий, да примет Восьминачальный его душу, не отличался в последние месяцы крепким здоровьем, да и вина пил, что любой сапожник позавидовал бы веселью его печени. Думаю, что нам лучше следует обсудить наши западные границы и преступное бездействие Мактана. Вот что надобно тщательно расследовать! А смерть Гельвидия подождет.

Министр войны Ликозий хмуро кивнул в знак поддержки слов Янулы. Первый министр Геланор откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди в знак неодобрения, которое не мог выразить Великому князю открыто. Главный казначей, Миметус и народный министр Рубрий не выразили явной поддержки ни одному из спорящих. Представители духовенства многозначительно переглядывались.

– Полагаю, господа, – прозвучал низкий раскатистый голос Верховного Епископа Ласы Эолы, – Малый Совет собран не для того, чтобы спорить о причинах и соревноваться в искусстве взаимных обвинений. В этот непростой для нашей страны час мы должны сплотить наши ряды и вместе пройти кризис. Общими усилиями и молитвами, возносимыми Отцу Восмикратному, мы преодолеем все трудности и станем еще сильнее.

– Ваше преосвященство, оставьте ваши проповеди для простолюдинов, – криво усмехаясь, произнес Янула.

Однако, заметив суровый взгляд Эолы, тут же стих, опу-

стиль взгляд и поежился.

– Я согласен с министром Геланором, – как ни в чем не бывало продолжил свою речь Верховный Епископ, – мы обязаны расследовать внезапную смерть Его Величества. Есть основания полагать, что Гельвидия отравили.

По Залу собраний прокатился изумленный гул голосов. А затем воцарилась гробовая тишина.

– У нас уже есть список подозреваемых, – раздался тихий голос Ягина Умены, Верховного Инквизитора и главы Ордена Латродектов. – Червь измены уже давно точит наш дворец изнутри, грозя смутой, гражданской войной и расколом всего государства, с такой любовью собранного поколениями Теридиидов.

– Кто эти люди? Назовите их! – воскликнул Рубрий. – Я немедленно отдам моей страже приказ арестовать их!

– Еще рано, – прошелестел в ответ Умена, – мои агенты уже вышли на главных подозреваемых и сопричастных к заговору. Сети расставлены, уже завтра мы предъявим на суд Церкви и Светских властей всех заговорщиков.

Вновь поднялся взволнованный гул.

– Но почему вы говорите об этом только сейчас?

Рубрий взволнованно вскочил. Ликозий потрясенно смотрел на Эолу и Умену. Великие князья беспокойно переглядывались и пожимали плечами, давая понять друг-другу, что понятия не имеют, о ком говорит Верховный Инквизитор.

– Мы должны были держать расследование в тайне, – про-

басил Верховный Епископ, – в таких делах огласка была бы вредна.

– Но в связи с отравлением, – он сделал акцент на этом слове, – возникла необходимость действовать решительнее.

– Нам надо решить вопрос с тараруанцами, – хмуро произнес молчавший до сей поры Диплурид, Великий князь Гиканийский. – Гиканий расположен ближе всего к западным границам, и нам угрожает опасность вторжения. Чем дольше мы ждем, тем больше опасность для княжества. Я очень хотел бы узнать, по какой такой причине Его Светлость Мактан решил отменить приказ министра войны по предотвращению высадки неприятельских войск на наших берегах. Ликозий, будь добр, расскажи нам, как принц обосновал свой поступок.

Мрачный Ликозий помрачнел еще сильнее.

– Его Светлость никак не пояснил свой приказ.

– Как так? Ты же мог спросить?

– Не мог.

– Почему?

– Приказ поступил мне письменно.

Министры и Великие Князья заговорили одновременно. И только духовенство хранило внешнее спокойствие.

– Что значит "письменно"? – наконец умудрился перекричать собравшихся Диплурид. – А если это было не его указание? Любой дурак мог написать письмо!

– Там стояла печать Его Светлости.

Собравшиеся вновь загалдели, пытаясь перекричать друг друга. Ликозий сжал челюсти так, что казалось сейчас он сжует собственные зубы. Представители духовенства многозначительно переглянулись.

– Да где же Мактан, мечехвост меня задери? – закричал распалившийся Диплурид. Он вскочил, подбежал к дверям, распахнул их и жестом подозвал одного из дворцовых стражей, дежуривших возле Зала собраний.

– За Его Светлостью принцем Мактаном уже давно отправили человека! Сейчас же узнай, по какой причине принц не явился на Малый Совет!

Страж умчался по коридору, а Диплурид вернулся, откинулся на спинку стула и стал демонстративно ждать появления принца, постукивая пальцами по крышке стола. Остальные собравшиеся притихли и только изредка перекидывались короткими фразами.

Спустя пару минут раздался нерешительный стук в дверь. Страж просунул голову в дверной проем и что-то тихо пробормотал.

– Говори громче, – зашумели участники Совета.

– Его Светлость покинули дворец.

– Что?

– Его Светлость принц Мактан, да будет он восемь раз благословлен, изволили покинуть дворец царственных Теридидов.

– Когда?

– Сие мне неизвестно. Его личная охрана и прислуга также исчезла.

– Немедленно выяснить, когда и куда он отправился! Немедленно! – это уже министр Рубрий отдавал приказы.

– Так точно, Ваше Высокородие. Будет сделано, Ваша Милость. – покрывшееся потом и перекошенное от страха лицо стража исчезло из дверного проема, и послышался быстрый удаляющийся топот кованых подошв.

С минуту в Зале собраний царила тишина. Затем все министры вновь заговорили одновременно. Представители духовенства многозначительно переглянулись.

Глава 5

– Ты уверен? – допытывался Мактан у Санкуса, личного слуги, расторопного и неглупого парня.

– Да, Ваша Милость, – с мольбой в голосе повторил Санкус, не глядя в глаза своего хозяина. – Я уже тысячу раз вам повторил.

– Не может быть! Скажи еще раз!

– Я сам лично слышал, как их преосвященство Ласа Эола разговаривали с Юно Хамеллой. Они уверены, что это вы отравили вашего батюшку, отменили приказ министра Ликозия о нападении на высадившихся на наших берегах тарауанцев и готовили переворот в стране. И прислуга слышала, что батюшка ваш, умирая, обвинил вас в своей смерти. И его личная охрана тоже это слышала.

– Но это же абсурд, Санкус! В чем мой интерес? Я наследник престола. Впускать врага на свою же территорию? Убивать своего отца? Готовить переворот в своей же стране? Это нонсенс!

– Я лишь передаю то, что услышал, Милость.

Мактан нервно ухватил себя за прядь волос и начал в задумчивости крутить ее между пальцами. Смерть отца была внезапна. Да, их отношения были далеко не идеальными: Гельвидий часто был груб и несправедлив. Но отравить его Мактан не посмел бы. Да и день, когда отец навсегда ушел

бы в Чертог Покоя был не за горами. Гельвидий часто жаловался слугам и сиделкам на боли в груди, полнокровие, плохой сон и прочие недуги, поражающие запойных пьяниц.

Но что же замыслил Эола? Как он объяснит министрам и Великим Князьям столь глупые обвинения? Да, Церковь была сейчас как никогда сильна, а он, Мактан, вел себя не так, как положено наследному принцу: он не ездил на охоту вместе со знатью, редко посещал храм, на пирах часто сидел один, отвергал навязчивые намеки дочерей и сестер Великих Князей, не участвовал в заседаниях Совета. Но это же не повод объявлять его бунтовщиком! Видимо тенетники хотят избавиться от него, обвинив во всех смертных грехах. Если они уберут его, обвинив в смерти Гельвидия, то смогут объявить новым монархом малолетнего Эпсиния, его сводного брата, рожденного третьей (и тоже почившей) женой монарха.

Да, в этом, определенно, был смысл.

До шестнадцатилетия нового монарха они смогли бы представить к нему своего регента, руками которого прокручивали бы свои грязные делишки. Надо было срочно встретиться с министрами и Великими Князьями, пока все не зашло слишком далеко. Возможно, он смог бы договориться с ними.

В этот момент в дверь осторожно постучали. Мактан вздрогнул, вынырнув из безрадостных мыслей. Санкус поспешил открыть двери. За порогом стоял Фаид, палпимий-

ский принц, проходивший обучение при анатейском дворе. Или, как шептались слуги и представители низшей знати, бывший заложником и гарантом добрососедских отношений между Анатеей и Палпимом. И, по правде, так оно и было. Палпим был весьма ненадежным союзником, так что присутствие Фаида при дворе Теридиидов делало вздорного палпимийского короля Малкара более покладистым.

Фаид зашел в покои Мактана и закрыл за собой дверь. Это был рослый смуглый юноша со скуластым лицом и длинными черными волосами, сплетенными на палпимийский манер в сложные узлы. В ухе у него поблескивала золотая серьга с красным самоцветом. Фаид был явно взволнован.

– Это ведь не ты сделал? – немного резко спросил он у Мактана.

– Что? – принц слегка опешил, а потом сообразил, что имел в виду палпимиец. – Конечно нет! Я вообще не понимаю, что происходит.

Фаид немного расслабился. Видимо ему было достаточно слов Мактана, чтобы поверить. Но потом взгляд его стал колючим.

– Все просто. Тебя хотят устранить до восшествия на престол.

– Но это бессмысленно! Как они объяснят окружающим причину моих действий. Любой младенец поймет, что меня оговорили. Они себя подставят под удар. Возможно, меня знают как принца, не соблюдающего канон, но не как идио-

та! Если дело дойдет до суда, я с легкостью разрушу все их доказательства. Если дело дойдет до суда...

Принц осекся. Ну конечно, никакого суда не будет! Его попытаются устранить до суда. Тогда надо еще быстрее встретиться с министрами и князьями.

Фаид наблюдал за ним своими карими глазами, пытаясь понять, о чем думает принц.

– Мак, надо бежать! – проговорил он. – Мы укроемся у моего отца и подумаем, как быть дальше.

– Но если я сбегу, они смогут обвинить меня заочно.

– Лучше заочное обвинение, чем смерть до суда. – Фаид угадал его мысли.

– Я поговорю с Несофолой Вабаррским или Гипохилом Изелским. С Геланором и Ликозием. Они должны меня выслушать.

– Обязательно поговоришь, но потом. Если за дело взялась ваша Церковь, боюсь, у тебя мало шансов что-то исправить. Мак, умоляю тебя, бежим! Я знаю тебя уже давно, ты хороший человек. Ты мне как брат! Я не хочу, чтобы тебя убили как твоего отца! Пересидишь какое-то время в Меринге, а потом уж решишь, как действовать дальше.

Мактан посмотрел на Фаида. Палпимиец был прав. Ему сейчас катастрофически не хватало времени. Бегство в Палпим дало бы время, чтобы обдумать происходящее и принять правильное решение.

– Хорошо! – решительно произнес принц.

Файд выдохнул.

– Через полчаса встречаемся около калитки прачек у Восточных Ворот, – решительно проговорил Мактан. – Санкус, разберись с охраной калитки, ты знаешь, что нужно сделать.

Как только палпимиец покинул покои Мактана, Санкус кинулся собирать вещи и готовиться к отъезду. Они решили прихватить с собой личную охрану принца (только доверенных и самых верных людей), но предупредить их в последний момент, чтобы никто не узнал о побеге.

За несколько минут до назначенного времени Санкус выскользнул из покоев, чтобы привести людей к Южным Воротам и отвлечь стража у калитки для прачек.

Мактан, чтобы не привлекать лишнего внимания, решил выйти на пару сотен ударов сердца позже. Облачившись в легкие кожаные доспехи, прикрытые сверху темным плащом, принц осторожно открыл двери, убедился, что в коридоре дворца никого нет и бесшумно направился в южное крыло дворца к лестнице для прислуги.

Во дворце было тихо.

Мактан быстро шел по коридору. Внезапно краем уха он уловил какой-то шорох и быстро обернулся. За ним в двух шагах крался убийца из ордена Геспера с кинжалом в руках! Обнаружив, что его заметили, геспер кинулся к принцу в попытке нанести смертельный удар. Мактан пнул ногой по руке с кинжалом, но геспер успел отвести руку и полоснул принца по голени. Ногу обожгло огнем. Принц выхватил короткий

меч и сделал выпад в сторону убийцы, тот отклонился назад и будто сложился пополам, проскочив под лезвием меча, а затем резанул Мактана по правой руке. Принц отскочил на пару шагов назад и встал наизготовку. Геспер приближался плавно, он двигался с грацией змеи. Его странная мерцающая одежда словно меняла цвет и терялась на фоне ярких стен дворца. Неестественно плавные и быстрые движения, умение увернуться от прямого удара.

В честном бою его было не одолеть.

Плащ мешал двигаться, кожаный доспех защищал только грудь и спину. Мактан скинул с плеч плащ и принял стойку. Он начал выписывать мечом восьмерки, моля Всеотца только о том, чтобы геспер хотя бы на долю секунды отвлекся на блеск лезвия. Но убийца приближался, не обращая внимания на крутящийся в руках юноши меч. Когда он был всего в одном шаге и с обманным финтом попытался проскочить под вращающимся мечом, Мактан ногой швырнул ему в лицо плащ, лежащий на полу. Одного удара сердца, в течение которого геспер ловил летящий в лицо плащ, хватило, чтобы принц обрушил свой меч на убийцу. Раздался хруст, разрубленный геспер повалился на пол и больше не двигался.

Задышавшись и подволакивая раненую ногу, юноша помчался к лестнице. Через пару минут он был на месте, где его уже ожидали Фаид, Санкус и три солдата из личной охраны. Увидев раны, Санкус охнул:

– Милость, что произошло?

– Меня пытались убить геспер. Некогда объяснять. Надо спешить.

На лице Фаида читалось мрачное удовлетворение.

– Ну что, Мак, я же предупреждал.

– Да, Фаид, предупреждал, – огрызнулся Мактан. – Ты рад?

– Я рад, что ты еще жив, друг мой. – примирительным тоном отозвался Фаид.

– Было бы о чем спорить? Я тоже рад, что я еще жив. А теперь надо торопиться.

Времени на разговоры не было. Они вышли за городскую стену, убедились, что их никто не преследует. Быстрыми перебежками добрались до роши, где четвертый солдат из личной охраны принца стерег семерых лошадей. Санкус несмотря на ворчание Мактана настоял на том, чтобы перевязать раны принца до того, как они отправятся в путь. Слуга действовал быстро, и буквально несколько минут спустя они уже скакали в направлении палпимийской границы.

– Что? Вы его упустили? – мужчина был в ярости. Он схватил со стола металлическое перо и с хрустом вонзил его в столешницу. Собеседник не проявил страха и лишь чуть наклонил голову вбок.

– Да, господин. Принц проявил себя как отличный фехтовальщик. Он зарубил нашего геспера.

– Что ж ладно, – мужчина немного успокоился, попытал-

ся вытащить перо из столешницы, но оно не поддавалось, — я немного разочарован. Мне говорили, что вы допускаете ошибок. Но я знаю, как можно исправить положение.

— Каковы будут указания моего господина?

— Докладывайте, как идут расследования смерти Гельвигия у наших конкурентов, как только появятся новости.

— Будет сделано, господин.

— И не разочаровывайте меня больше!

— Да, господин.

Глава 6

Ежевика ворочалась на своей жесткой постели. Прошло уже две недели с тех пор, как она дала себе обещание сбежать из дома.

Каждую ночь она ложилась с мыслью, что уж сегодня она точно сможет сделать это. Но внутренний голос убеждал ее, что бежать ночью глупо – темень стоит такая, что хоть глаз выколи, да и погода в это время года не самая приятная.

«Тогда днем убегу», – говорила она самой себе.

Днем убежать тоже не получалось. Стояла осень, а у крестьян осенью каждая минута была на счету, нужно успеть собрать урожай до заморозков, откормить скотину перед голодным сезоном, пока есть свежая зелень и зерно. Нужно сделать заготовки на зиму, наполнить амбары. Короче говоря, дел невпроворот.

В такую пору оставлять родителей без лишней пары рук было бы подлостью. Ежевика это прекрасно понимала. Но что делать? Отец становился невыносим. От угрюмых намеков он перешел к открытым оскорблениям, а сегодня он напился и придя домой замахнулся на нее. Ударить не посмел, да и мать заступилась. Но это только пока.

Сон не шел. Ежевика встала, потихоньку прокралась мимо посапывающей матери и храпящего отца. От него исходил густой запах перегара.

Ежевика зашла в кухню, зачерпнула ковшом воды из ведра, отпила несколько глотков, приоткрыла дверь и привычным движением выплеснула остаток воды на улицу. Ей захотелось подышать свежим воздухом. Она накинула на плечи свой поношенный зипун, влезла в растоптанные ботинки, вышла на крыльцо и прикрыла за собой дверь.

На улице было чудесно – воздух был прохладным и свежим, тонкие серпики обеих молодых лун поблескивали в черном небе, покрытом мириадами звезд; тишину ночи нарушали крики ночных птиц, со стороны загонов было слышно, как во сне мычит и стонет скотина. Ей тоже, видать, не сильно нравилась ее судьба. Вот так: родишься, будут тебя кормить, доить, пахать на тебе, приведут самца, родишь детей, а потом тебя зарежут. Безрадостная перспектива.

Ежевике передернуло, то ли от холода, то ли от мыслей о судьбе домашней скотины. Уж больно она напоминала ее собственную судьбу.

А родители? Да черт-то с ними! Они сами мечтали от нее избавиться, ведь если бы она вышла замуж (бр-р-р), то пришлось бы переехать в дом мужа. Мужа. От одной мысли, что она должна будет выйти замуж за этого тупоголового Мятлика или мерзкого Подорожника, ее тошнило. Вся эта деревенская жизнь вызывала отвращение. За свои тридцать пять лет она не побывала нигде дальше Спин Таруса. Лучшим развлечением (помимо книг само собой) были ярмарки с пьяными фермерами, которые она ненавидела всей душой.

И только книги освещали своим призрачным сиянием ее унылую жизнь. В книгах было все: любовь и ненависть, дружба и предательство, война и мир, кровопролитные бои и страстные поцелуи. Ничего этого у нее никогда не будет — только серость, уныние, подвойник и полевые работы. До самой смерти.

Нет! Она не сраная корова (хотя коровы и не сраные во все)! Она человек! И свою судьбу она будет вершить сама.

Ежевика встала с крыльца, решительно распахнула дверь, схватила отцовскую торбу, с которой тот ходил в поле, сушила туда краюху хлеба, ломоть сыра, несколько полосок сушеного мяса, набрала в флягу воды из ведра. Немного подумав, она надела под юбку отцовские штаны, подпоясалась и вышла из родительского дома.

Быстро, боясь передумать, она пересекла участок. Собаки, охранявшие дом, сначала заворчали, но потом узнав хозяйку вернулись в свои конуры, позвенели цепями и улеглись. Калитка тихонько скрипнула, и Ежевика оказалась на дороге, которая как будто вела не к соседнему хутору, а в загадочный новый мир. И хотя она всю свою жизнь провела здесь, сейчас это место показалось ей незнакомым, таинственным и немного пугающим.

Ежевика шла по узкой сельской дороге с двумя колями, проторенными крестьянскими телегами. Страх и волнение прошли. Дышалось легко и даже как-то весело. Холодный ветерок придавал бодрости. Вот закончилось их по-

ле с частично убранной пшеницей, началась соседняя делянка. Показался недавно выстроенный на деньги прихожан Храм Ткача, куда они с родителями ходили каждую неделю на службу. Старый храм, в котором скрепляли ее Завет после рождения, находился в соседнем селении Малые Ручьи, и добираться туда было неудобно, особенно в осеннюю распутицу, когда дороги превращались в реки из грязной жижи. Поэтому жители Больших ручьев – ее селения – договорились со священником о строительстве нового храма.

Дорога завела Ежевику в лес. Стало очень темно, свет тонких серпиков обоих месяцев с трудом пробивался сквозь густую листву деревьев. Ежевика еще ни разу в жизни не ходила через лес ночью, и ей стало немного не по себе. В это время в чаще было гораздо тише чем днем, и все звуки ночного леса казались неестественными. Скрипели деревья, со всех сторон раздавались странные шорохи. Крики ночных птиц пугали. Ежевике постоянно чудилось, что за ней кто-то следит. Сердце стало биться чаще, ладони вспотели, по спине, неприятно щекоча, покатились крупные капли пота.

Она попыталась почесать спину и мысленно отругала себя – крупных животных в этих лесах не видели уже давно; хищников, воровавших скот, жители Больших и Малых Ручьев нещадно истребляли, и те постепенно ушли из этих мест. Разбойники в их лесах тоже не встречались – наместник провинции Спин Тарус раз в несколько месяцев отправлял отряды дружины и те прочесывали окрестные леса, очищая их

от бродяг, которые могли бы сбиться в банду.

Неожиданно неподалеку раздалось громкое уханье филина. Ежевика вздрогнула, но тут же взяла себя в руки, в очередной раз дала себе грозную отповедь и продолжила путь. Через несколько минут дорогу ей преградило огромное суковатое упавшее дерево. Насколько женщина могла видеть в крошечной ночной мгле, это был когтелист. Его острые листья могли рассечь ткань и оставить глубокий порез, поэтому, рассудив, что перелезть через дерево себе дороже, и кляня препятствие на чем свет стоит, Ежевика пошла в обход. Огибая мощные облепленные комьями земли корни, она вдруг запнулась за что-то и кубарем покатилась в яму.

Лежа на дне ямы, которая, к слову, оказалась довольно глубокой, Ежевика проклинала все на свете: и яму, и дерево, и свою глупую ночную прогулку через лес. Она встала, отряхнулась и стала наощупь искать свою торбу с припасами. В яме было очень темно, и чтобы найти торбу, пришлось долго ползать на коленях.

– Что потерял, мил человек? – раздался вдруг насмешливый голос.

Ежевика вскрикнула от неожиданности, вскочила на ноги и посмотрела наверх. Там кто-то был, но в темноте проклятой ямы разглядеть его было невозможно. Тем временем человек достал из-под полы плаща лампу, не торопясь разжег ее и направил свет вглубь ямы. Такой лампы Ежевика еще не видела, хотя и читала о ней в какой-то книге: с одной сто-

роны в ней по всей видимости было зеркало, так что лампа светила только в одну сторону, и того, кто держал лампу, не было видно.

– Давай, держись за веревку, я тебя вытащу.

В яму спустился конец веревки, Ежевика немедленно ухватилась за него и стала выбираться. Наверху ее схватили несколько пар сильных рук. Она не успела рассмотреть тех, кто ее вытащил из ямы – ей на голову натянули пыльный вонючий мешок, ее торбу отобрали, а ее саму начали методично связывать. Она хотела закричать, но от ужаса горло перехватило и изо рта вырывался только тихий стон.

– Не дергайся, и все будет хорошо! – посоветовал ей тот же насмешливый голос.

И уже обращаясь к собеседникам:

– Я же говорил, что место хорошее.

– Заткнись, Солнышко! – перебил его грубый хриплый голос.

– Ладно, как скажешь, – несколько обиженно проговорил тот, кого назвали Солнышком.

Ежевику схватили как куль и куда-то понесли. Ее тащили довольно долго. С мешком на голове понять направление было невозможно. Наконец она почувствовала, что ее уронили. Похитители, негромко переговариваясь, куда-то отошли, а она лежала на земле, связанная и с мешком на голове. По щекам потекли слезы. Впервые в жизни она предприняла что-то, что могло изменить ее жизнь, и вот как все оберну-

лось. Почему так? Почему именно с ней все это произошло?

Глава 7

На следующий день после смерти Гельвидия во всей Ана-тее был объявлен траур. Вся столица шумела как громадный улей. Слухи о том, что принц Мактан отравил своего отца, допустил вторжение заморских варваров и сбежал, разпол-зались со все более ужасающими подробностями.

– А вы уже слышали, что Мактан отравил нашего госуда-ря?

– Да что вы! Я-то не слышал? Муж моей двоюродной сест-ры служит при дворе. Так он лично видел, как Мактан заста-вил своего отца выпить яд, а потом заливаясь адским сме-хом, смотрел на то, как батюшка корчится на полу.

– Это что, моя знакомая говорит, что он напал на свое-го младшего брата Эпсиния и хотел задушить голыми рука-ми! Это младенца-то! Зверь, да и только Охрана попыталась схватить его, так он всех порубил мечом и сбежал.

– Сбежал? Не смешите меня! Его поймали и держат в тем-нице. Завтра его повесят на дворцовой площади. Сестра ку-зена моей тетки так сказала, а она все знает.

– Да нет же! Он оказался вовсе и не сыном Гельвидия. Его, значит, подкинули тараруанцы, а настоящий сын в плену у ентих варваров томится уже двадцать с лишним лет. И вот теперь он хочет, чтобы варвары, значит, захватили нашу страну, а он, значит, станет ихним анператором.

Но что бы ни говорили на рынках, в лавках ремесленников, в кабаках и переулках, все сводилось к одному: Мактан – предатель, а правитель Анатеи мертв.

Ласа Эола, Верховный Епископ, глава Анатейской Церкви Восьминачалия, Глас Посланников Всеотца нервно теребил подол своей сутаны и мрачно размышлял о происходящем. Уже совсем скоро ему понадобится представить доклад Посланнику, но факты не складывались. Повода для убийства отца у принца Мактана не было. Да, скорее всего Эоле придется озвучить именно эту версию, но она сразу показалась ему нелепой от начала и до конца. Посланники были не слишком хорошо осведомлены о ситуации во дворце, Эола намеренно не рассказывал всего, чтобы оставить пространство для маневра в политической игре. Но они были мудры и вряд ли купились бы на версию о бунте сына против отца, как бы ни были плохи отношения между Гельвидием и Мактаном.

А еще эти проклятые тараруанцы! При чем тут они? Мактан не стал бы прибегать к их помощи. Ну, предположим, Несофол Комма Оно, князь Вабарры, тот был достаточно глуп и амбициозен, чтобы связаться с тараруанцами. Вабарра всегда отличалась бунтовщическими настроениями. Но почему тогда приказ Ликозию пришел именно от Мактана? Чтобы спутать карты? Комма Оно до такого бы не додумался. Он скорее бы посоветовал тараруанцам тайком использовать свои земли, а затем внезапно напал на Анатею.

Ласа Эола нахмурился, почесал подбородок. Кто-то явно вел свою игру. Конечно, он подозревал и своих. Ягин Умела и Юно Хамелла были карьеристами. Они при первой же возможности постарались бы избавиться от Эолы. На него уже было совершено несколько покушений, но это была часть игры. Он знал о них все, знал о каждом их шаге. Ну или хотя бы хотел в это верить.

Эола вздрогнул от постороннего звука. Пока он предавался раздумьям, в его покоях появился Посланник Всеотца. Это всегда происходило неожиданно. Вот покои пусты, а вот уже перед ним возвышается Посланник. Епископа это пугало и нервировало.

– Ласа Эола, приветствую тебя, – провозгласил Посланник. Он был как бы полупрозрачным, на голове капюшон, скрывающий лицо. Высокая фигура, выше нормального человеческого роста.

– Приветствую тебя, Посланник, – отозвался священник.

– Каковы новости?

– Новости не так хороши, Посланник, – хрипло признался Епископ.

– Ну же Не томи.

– Гельвидий мертв.

– Что? Как это произошло? Он упал с лошади? Его задрал дикий кабан? Мы следили за его показателями. По нашим прогнозам, его естественная смерть должна была произойти не ранее чем через два года.

– Его отравили.

– Хм

Посланник умолк и погрузился в размышления. Пауза затянулась, и чтобы хоть как-то заполнить ее, Эола прокашлялся и принялся рассказывать о событиях, предшествовавших смерти Гельвидия и обстоятельства его гибели.

– Мне нужно твое мнение, Ласа Эола, кто стоит за убийством?

– Мы проводим расследование

– Не уклоняйся от вопроса! Мне нужно твое мнение. Это сделал Мактан? Кто-то еще?

Епископ сделал глубокий вдох.

– Вроде бы все указывает на принца.

– Не серди меня, Ласа Эола! Мне нужно твое мнение.

– Я... Я... – голос священника дрогнул, – Я думаю, это не он. Но кто именно, я пока не знаю. Принц Мактан бежал, но скорее всего, потому что боится за свою жизнь. Он первый в перечне подозреваемых.

– Хорошо, – неожиданно произнес Посланник, – мне было важно именно твое мнение. Мы должны доверять друг другу. Говори мне все, что ты думаешь. Если мы поймем, что ты что-то скрываешь или ведешь двойную игру, мы примем меры.

Эола вздрогнул, по спине пробежал озноб.

– Нет, Посланник, что вы Я бы не посмел.

– Хорошо. У тебя есть две осьмицы. За это время ты дол-

жен найти виновных и передать их нам.

– А Мактан?

– Что Мактан?

– Что делать с ним?

– Верните его. Он нужен нам. Всеотец имеет на него планы.

Эола изумленно возрился на Посланника. У Всеотца есть планы? На Мактана? В какой-то момент он даже почувствовал ревность. Этот мальчишка не был правоверным, он не соблюдал даже самые простые правила, он не ходил на службы, часто пропускал причастие, не соблюдал посты. Словом, делал все, чего не должен делать избранный Всеотцом.

– Да, Посланник, – проговорил Эола.

– Хорошо. Запомни, дважды по восемь дней. Через шестнадцать дней один из нас, Посланников, вернется, и мы рассчитываем на то, что у тебя будут ответы на все вопросы. И помни, Ласа Эола, что любой кризис – это время возможностей. Воспользуйся им, чтобы усилить наше влияние в стране и мире. Надеюсь, мне не надо тебе объяснять, как должно поступать?

– Да, Посланник. То есть нет, Посланник. Еще тревожные вести поступают с запада: в Гикании высадились тараруанцы. Я опасюсь, что война с безбожниками может оказаться тяжелой, наша армия за годы мира ослабла.

– Бойся только Господа твоего Всеотца, Ласа Эола, а безбожников не бойся. Всеотец защищает чад своих. Разве ты

забыл о том, что сказано в «Тенетах вечной жизни» о войне племени анатейского с солнцепоклонниками?

– Как могу я забыть, Посланник? – с ужасом в голосе воскликнул Епископ. – Я четырежды в год проповедую среди гвардии о победе колена тарбова, мартидова, афантова, крейсова, меридова, эвримова, лиссова, опилионова и риционова с Божьей помощью.

– Помни, Епископ, все, сказанное в Тенетах – истинная правда. Тебе ли не знать, ведь ты ведешь свое происхождение от колена крейсова? Мартиды, мериды и крейсы были избраны Господом твоим Всеотцом для служения Ему. И как предки твои были поставлены возглавлять Церковь, так может Восьминачальный прогневаться на тебя и выбрать главой Мерида или Крейса. Прощай, Ласа Эола.

С этими словами Посланник исчез так же внезапно, как и появился.

Епископ сидел без движений еще несколько минут. Что же делать? Понадеявшись на расследование Умены и его ла-троектов, он сделал большой просчет. Он долго почивал на лаврах главы Церкви, обленился, потерял остроту ума и оброс жирком. Надо было срочно восстанавливать свои позиции, иначе он рисковал потерять все. Умена и Хамелла не дремали, стремясь получить власть Верховного Епископа. В каком же направлении начинать поиски? Что сделать для усиления Церкви? От этих мыслей начинала болеть голова.

Он потер виски, встал, подошел к стоящей на столе теле-

сфере и звучно произнес: «Дипоэну ко мне!»

Спустя несколько минут в покои без стука вошла худая женщина в платье бутылочного цвета с длинными рыжими волосами и зелеными глазами. Она безмолвно встала напротив Эолы, ожидая.

– Дипоэна, нам предстоит тяжелая работа.

– Из-за легкой вы бы меня не вызвали, Ваше Преосвященство, – она хмыкнула.

– Нужно с пристрастием допросить всех, кто мог быть рядом с покойным Гельвидием, с кубками, из которых он пил, или хоть как-то, даже отдаленно, мог быть причастен к его смерти. Но о допросе не должен узнать никто. Особенно Умена и Хамелла. Сможешь?

Женщина смерила его слегка презрительным взглядом:

– Вы знаете, ЧТО я могу.

– Знаю. Приступай. С наградой проблем не будет.

После ухода Дипоэны Эола снова воспользовался сферой на столе и связался с министром Рубрием.

Спустя час они вдвоем встретились в Малом переговорном зале королевского дворца. Эола настоял на том, чтобы встреча проходила в условиях строжайшей конфиденциальности, и на ней присутствовали только Рубрий и сам епископ.

Они уселись по разные стороны небольшого круглого стола.

– Приветствую вас, Ваше преосвященство, да благословит

вас восьмикратно Всеотец наш... – начал было Рубрий, но Ласа Эола прервал его.

– Обойдемся без формальностей, Рубрий. Перейдем к делу, времени у нас мало.

– Хорошо, – кивнул министр, – Что за важное дело, отче? Полагаю, оно касается ситуацией с покойным Гельвидием?

– Да. Тебе удалось выяснить обстоятельства, при которых Мактан покинул дворец? Ты знаешь, куда он мог направиться?

– Допрос слуг ничего не дал, его никто не видел. Но вместе с принцем исчез и палпимиец Фаид. Из этого я делаю вывод, что они вместе направились в Мерингу.

Эола приподнял бровь:

– Значит Фаид тоже сбежал? Хм Как полагаешь, он причастен к произошедшему? Какова его роль?

– Трудно сказать наверняка. Но то, что он тоже покинул дворец, конечно, бросает на него тень. Вы полагаете, что смерть Его Величества на совести принца Мактана?

– Я хотел задать тот же вопрос тебе, Рубрий, – уклончиво ответил епископ.

– Если хотите знать мое мнение, то я считаю, что принца, безусловно, подставили. С другой стороны, эти слова Гельвидия перед смертью Слуги и охрана точно слышали, что Его Величество обвинял в отравлении своего сына.

– И все же, кто, по-твоему, стоит за отравлением?

– С вашего позволения, я бы скорее предположил, что это

происки Палпима или же организатор – кто-то из великих князей.

– Конкретнее. Кто, по-твоему, мог за этим стоять?

– Возможно все. Гельвидий довольно сильно ослабил их власть за последние годы. Вероятно, они замыслили бунт, чтобы обвинить принца Мактана в отцеубийстве, посадить на престол младенца Эпсиния и организовать совет регентов. Регентами, само собой, стали бы четыре великих князя.

– А тараруанцы?

Рубрий пожал плечами.

– Вероятно, совпадение, которым воспользовались великие князья. Я сомневаюсь, чтобы Великий Князь Диплурид допустил варваров на свои земли, поскольку изгнать их потом оттуда он не в силах. Остальные тоже не пошли бы на такой риск.

– Хм, интересно. Хорошо. Мне твои рассуждения кажутся вполне здравыми, но я попросил бы не распространяться о своих подозрениях. Если игру затеяли великие князья, не следует давать им знать, что кто-то подозревает их. Какие твои планы относительно принца?

– Я уже отправил за ним отряд.

– Что будет, когда его догонят?

– Я отправил с Эмосином, командиром гвардейцев, депешу, в которой пообещал, что принцу не будет причинен вред. Кроме того, я предложил ему переждать какое-то время в Спин Тарусе, пока не будет достигнут прогресс в расследова-

нии. Наместнику Спин Таруса я также направил письмо, где попросил принять принца и обеспечить его безопасность.

– Я склонен поддержать твои инициативы. – Епископ остался доволен словами Рубрия. – Спин Тарус не подчиняется никому из великих князей, и обратиться к нему было умным решением.

Рубрий был польщен похвалой со стороны Эолы.

– Что ж, – продолжил церковник, – я попрошу держать меня в курсе происходящего. Принц нужен нам, чтобы избежать кризиса в стране и не допустить гражданской войны. Великие князья редко заключают долгосрочные союзы. При первой возможности захватить власть они вцепятся друг другу в глотки.

Рубрий согласно кивнул.

– Хорошо. Я попрошу моего душеприказчика готовить для вас еженедельный отчет.

– Не стоит, Рубрий, я сам буду наведываться, чтобы ты лично докладывал мне о ходе расследования. Повторюсь, времени у нас мало, каждая минута на счету. Траур по Гельвидию займет дважды по восемь дней, затем на престол взойдет новый правитель Анатеи. И в наших интересах, чтобы это был Мактан.

Итак, если Посланникам нужно усиление Церкви, Ласа Эола добьется этой цели. Нужна поддержка Великих князей, армии и королевской гвардии.

Глава 8

На улице уже окончательно рассвело. В комнатухе с маленькими грязными окнами в лучах восходящего солнца ве-

село плясали пылинки. Мебели в комнате не было. В углу прямо на полу в позе эмбриона посапывал Стриж, в другом углу так же на полу кружком сидели и тихо переговаривались Бык, Белка, Пень и Туча – обладатель лохматой шевелюры, приютивший беглецов.

– Да, Белка, наделали мы дел, – угрюмо проговорил Бык, – вот на кой ляд тебе сдался этот парнишка? Теперь вся работа псу под хвост.

– Я все сделала правильно, – упрямо ответила Белка. Было видно, что они твердят это уже не в первый раз за утро. – В парне что-то есть. Я пока не знаю, что именно, но я чувствую, что он нам нужен. И мы ему нужны. Ты видел, что за ним охотятся пауچьи отродья?

– Видел, – подтвердил Бык.

– Это все Зубило виноват, – вмешался Пень. Он выглядел устало, щеки обвисли, под глазами появились мешки.

– Говорила тебе – следи за ним, – проворчала Белка.

– Да я следил.

– Хреново следил.

– Ладно, теперь уже неважно, – примирительно промолвил Туча, – рано или поздно что-то должно было произойти. Дядя, – обратился он к Быку, – ты лучше скажи, что нам теперь делать? Латродекты будут настороже. Надо как-то выбираться из Асагены. Но куда отправимся? В Портию? В Спин Тарус?

Бык задумчиво щипал себя за бороду и не отвечал.

– Если мы все же решим куда-то сматываться, думаю, что все же в Портию, – наконец произнес он. – У нас с ними вроде бы есть связь. Но надо хорошенько подумать. Путь неблизкий.

– Нет времени на раздумья, – рассудила Белка. – Нас будут искать, мы завалили «латрика». Они такое не прощают. Туча, ты ничего не слышал про мальчика? Почему его ищут?

– Может его и спросим? – отозвался Туча.

Он поднялся и подошел к спящему Стрижу.

– Эй, Стриж, просыпайся! – он наклонился и потряс спящего за плечо.

Стриж дернулся, сел, сонно потирая глаза. Потом быстро огляделся вокруг, словно не понимая, где находится. Потом судорожно вздохнул.

– А я надеялся, что мне все приснилось – пробормотал он. Стриж обреченно вздохнул.

– Хватит вздыхать, – Туча ободряюще хлопнул парня по плечу. – Ты лучше расскажи, что за сыр-бор. Откуда ты такой взялся, и с какой стати за тобой охотятся тенетники?

Стриж поморщился, встал и побрел к тому месту, где сидели остальные, присел рядом и задумался: «С чего начать?» Восемь глаз внимательно смотрели на него. Стриж еще раз вздохнул, почесал кончик носа и начал свой рассказ.

Стриж никогда не видел своих родителей, они умерли, когда он был еще совсем маленьким. Родственники матери не захотели, чтобы он жил с ними, лишний рот для семьи

с пятью ребяташками был непозволительной роскошью. Но люди они были все же незлые и решили отдать Стрижа одному одинокому мастеру-книгопечатнику. Детей у Перьега (так звали мастера) не было, подмастерье нужного возраста найти было сложно – мальчики с пяти-шести лет уже начинали помогать своим родителям. Тогда он и согласился взять младенца-Стрижа и воспитать себе замену. Он очень хорошо заботился о мальчике, относился как к собственному сыну. Начиная с трех лет Стриж стал постигать искусство производства бумаги и чернил. В четыре года он уже бегло читал, хотя и не всегда понимал смысла прочитанного. У мальчика обнаружилась феноменальная память – он запоминал длинные отрывки текста с первого раза и мог воспроизвести их даже спустя продолжительное время. Он с огромной благодарностью и уважением относился к мастеру. Перьег отвечал ему взаимностью, не ругал и не наказывал за шалости, разрешал брать и читать любые книги в доме.

В жизни Стрижа был один недостаток – ему не хватало общения со сверстниками. Дом мастера Перьега находился в отдалении от селений и городов. С другой стороны, книги во много заменили мальчугану друзей и сформировали богатую фантазию. В своих мечтах Стриж путешествовал по всему миру (он знал о многих городах и странах из книг и карт), он возводил немыслимые строения, изобретал новые машины и механизмы. И лишь иногда он сожалел о том, что все это лишь его фантазии.

В двенадцать лет Стриж уже в совершенстве знал печатное дело и даже придумал несколько нововведений, позволяющих сэкономить силы и материалы при производстве бумаги, он соорудил ветряную мельницу, на манер тех, что используют при изготовлении муки. Но Стриж приспособил мельницу для перемалывания древесных щепок. Мастер Перьег очень гордился тем, что изобретение Стрижа значительно улучшило качество бумаги. Заказы на бумагу потекли рекой. В клиентах у мастера появились крупные университеты Асагены. Дела пошли в гору. Перьег был на седьмом небе от счастья.

К шестнадцати годам Стриж изучил все имеющиеся на тот момент новые учебники и планировал поступать в Академию при дворце Теридиидов. Но его планам не суждено было свершиться.

Три дня назад вечером в их дом постучался человек. Мастер Перьег немного поговорил с ним: человек принес одну книгу и попросил сделать несколько ее копий, заказ обещал принести много денег, человек выложил на стол перед матером кошель, скорее напоминавший небольшой мешок, туго набитый золотом. Такого количества хватило бы по меньшей мере на пару десятков лет безбедного существования. Перьег, однако, насторожился, он попросил незнакомца показать книгу. Осмотрев ее, он неожиданно вскочил, сунул книгу обратно заказчику, отдал кошель с монетами и потребовал, чтобы незнакомец немедленно покинул дом.

Человек попытался убедить мастера, но тот был непреклонен. От такого количества золота у Стрижа захватило дух, он не понимал, почему старик отказывается от заказа. Изготовить копии книги заняло бы всего пару недель, зато потом они были бы богаты. У Стрижа появилась бы возможность получить образование, и они смогли бы не только починить все оборудование, но и заказать у кузнеца формы для второго печатного станка. Перспективы были умопомрачительные.

Не сумев убедить Перьега, незнакомец покинул дом мастера. Стриж решил, что старик просто капризничает или не хочет браться за новую работу, ведь у них столько заказов от университетов и муниципалитета. И тогда парень задумал сам тайком сделать копии. Это был бы сюрприз для учителя.

Он выбрался из дома, догнал незнакомца и сообщил, что мастер передумал и согласен сделать копии книги. Человек очень обрадовался, отдал книгу и кошель, пообещав дать еще столько же, как только копии будут готовы. Они условились, что незнакомец придет через восемь дней.

Стриж тайком вернулся домой и спрятал деньги и книгу в своей комнате, решив, что будет готовить все для производства копий, когда мастер Перьег будет спать или же отлучаться за покупками или по другим делам.

В тот же вечер в их дом нагрянула городская стража. Стражники, угрожая оружием, требовали у мастера отдать им запрещенную книгу. Он отвечал, что никаких запрещен-

ных книг у него нет. Они описали незнакомца, принесшего книгу, на что Перьег сказал, что видел этого человека, но никаких книг у него не брал и прогнал его. Стражники не поверили и убили старика.

Все это время Стриж, наконец осознавший, какую беду он навлек, позорно прятался. А потом улизнул, прихватив книгу и позабыв о золоте.

Когда Стриж завершил свой рассказ, он дрожащей рукой вытащил книгу, которую прятал все это время, и передал почему-то Белке. Та взяла книгу, раскрыла и с округлившимися глазами передала Быку. Тот принял книгу, недоверчиво начал листать. Сначала медленно, потом все быстрее.

– Что там? Что там? – засуетился Пень, видя потрясенные лица Белки, Быка, а потом и переворачивающего страницы Тучи. Но они не отвечали и бросали изумленные взгляды то на книгу, то на Стрижа, то друг на друга.

– Я не верил, что она существует, – шептал Туча.

– Великое Солнце, – повторял Бык.

– Таких совпадений не бывает, – качала головой Белка.

– Мать вашу, да что там? – на Пня не обращали внимания, и он пытался понять, что вызвало такой шок у его друзей.

Наконец ему удалось из-за плеча Быка рассмотреть книгу. Настал его черед воскликнуть: «Нихрена себе! Это просто невероятно! Неужели это то, о чем я думаю?»

Теперь уже все четверо таращились на книгу, Стрижа и друг на друга.

Стриж сидел на полу, повесив голову. Энтузиазма и восторга его новых друзей он не разделял. Воспоминания того страшного вечера давили на него со страшной силой. Перед глазами стояла картина с городским стражником, вонзающим кинжал в грудь старого доброго мастера. В ушах стоял тот страшный крик. Чем бы ни была эта проклятая книга на самом деле, для него она была символом крушением всех надежд, символом гибели мастера Перьега, его учителя, друга, человека, заменившего ему отца.

Глава 9

Юно Хамелла, Епископ Восьминаначальной Церкви и глава Ордена Гесперов, не любил медлительных людей. Его острый ум быстро цеплялся за каждую мелочь и немедленно принимал верные решения. Его Орден создавался под покровительством Посланников Всеотца как оплот ученых, философов, хранителей знаний. А для защиты от многочисленных посягательств на знания и богатства, для пресечения ереси и богохульства Орден с Божьей помощью вырастил касту бессловесных защитников, обладающих сверхъестественной силой, ловкостью и быстротой. И каково же было горькое разочарование, когда этих защитников стали называть «гесперами», воспользовавшись именем Ордена для обозначения не знаменитых математиков, физиков, алхимиков и астрономов, а именно тех, на кого Юно Хамелла не хотел бы обращать пристальное внимание окружающих. Как будто это было главным достижением Ордена, а не библиотеки с тысячами книг, школы при монастырях и храмах, кафедра при Университете, исследовательские центры.

Хамелла невольно покосился на двоих гесперов (теперь и он их так называл – какая жестокая ирония!), безмолвно стоящих около входа. Они могли стоять неподвижно бесконечно долго, а потом в мгновение ока сорваться с места защищать его до последней капли крови. Им не нужны бы-

ли разминки, физические упражнения, сон, пища. Гесперы жили недолго по человеческим меркам, но для Юно Хамеллы они были аллегорическим воплощением его жизненных принципов – безотчетное служение Церкви, быстрота решений и беспощадность к врагам.

Для Хамеллы и его Ордена наступал важный период: пе-

ремены и кризисы были его стихией, он чувствовал себя по-настоящему живым, когда спокойное течение жизни нарушалось и появлялись возможности продемонстрировать свой недюжинный ум.

Не успели тараруанцы высадиться в Дифии, портовом городе в княжестве Гиканий, как представители Ордена уже вступили с ними в тайные переговоры. Посланники Хамеллы выясняли явные и тайные намерения варваров, их внутренние конфликты, нащупывали ниточки, за которые можно тянуть и использовать в своих интересах.

Глава 10

Когда с головы Ежевики сняли мешок, она осмотрелась и обнаружила, что лежит на земле рядом с небольшим костром, вокруг которого на поваленных стволах деревьев сидит странного вида компания. Все разномастные, одеты во что попало. По одному их виду было понятно, что это какие-то бандиты.

Человек, снявший мешок, стоял рядом и удивленно пялился на лежащую женщину.

– Парни, гля, это же баба!

По голосу – теперь не насмешливому, а удивленному – Ежевика опознала того, кого называли Солнышком. Это был совсем еще молодой парень. Лет двадцать-двадцать пять. Тот, кто прозвал его Солнышком, явно обладал злым чувством юмора: лицо парня было густо покрыто прыщами, отчего было красным.

"Угу, Красно Солнышко", – подумала Ежевика, но вслух благоразумно решили это не произносить.

– Мужик, баба – какая в жопу разница? – философски изрек один из сидевших у костра, чем вызвал смех у остальных. – Но с этой вряд ли мы что-то поймеем. Я про деньги, если что. Вот ты балбес, Солнышко, я всегда это говорил. Откуда деньги у бабы-крестьянки, идущей ночью по лесу? Да и у мужика-крестьянина. Надо брать конных – те вот с

деньгами. А это – он махнул рукой.

– Ну так мы выкуп за нее потребуем! – не сдавался Солнышко.

– У кого?

– У ее семьи.

– Чем ты собрался брать выкуп у крестьян? Курами? На-
возом? Нет, ты серьезно тупой.

– Ну тогда давайте продадим ее. Я слышал, местные зем-
левладельцы покупают батраков.

– А вот это уже больше похоже на правду, хотя мы вряд ли
много на ней заработаем. Землевладельцы берут батраков из
должников, и им для работы чаще нужны мужчины. Ну или
баб в наложницы, но они должны быть красивые. Эта баба,
должно быть, местная, просто заблудилась.

– Эй, – он повернул голову к Ежевике и громко прокри-
чал, будто Ежевика была глухая, – ты, мать, откудава сама
будешь такая?

– Местная я, – прохрипела женщина. – Из Больших Ру-
чьев.

– Ну вот, видишь, – покровительственным тоном продол-
жил рассуждать собеседник Солнышка. – Ежели мы попыта-
емся ее продать, а она проболтается, что местная, то нипо-
чем ее землевладельцы не купят. А то родственники прозна-
ют, поднимут шум, проблем потом не оберешься.

– И что нам тогда делать? – с отчаянием проговорил Сол-
нышко.

– А мне почему знать?

Собеседник потянулся, скинул сапоги и протянул к костру грязные ноги, от которых немедленно стал подниматься пар. Сидевший рядом немолодой мужчина выругался и отодвинулся подальше.

– Барон, мать твою, – проворчал он, – ты хоть предупреди, когда копыта свои вонючие жарить будешь в следующий раз.

Тот, кого называли Бароном, и кто был скептически настроен относительно планов Солнышка заработать на пойманной Ежевике, ничего не ответил и лишь удовлетворенно закатил глаза.

– Парни, отпустите меня! – попросила Ежевика, пытаясь придать голосу максимально жалобные интонации.

Никто кроме Солнышка не обратил внимания на ее слова.

– Ну вот как тебя отпустить-то? – сокрушенно прошептал Солнышко, садясь на корточки рядом со связанной Ежевойкой. – Ты же побежишь жаловаться, мол, ходят тут злые люди.

– Не побегу!

– Побежишь!

– Не побегу!

– А я говорю, побежишь!

– Нет!

– Да!

– Хватит! Заткнитесь! – прервал их спор грубый голос.

С места поднялся высокий худой мужчина с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.